

Здрасте, приехали

Должна ли быть умной любовь? Должна.

Иначе возьмет и начнет жена

Ужасные глупости совершать...

/ Эдуард Асадов /

- Это всё не моё! – с порога заявила Маруся Кузина мужу, не удосужившись ответить на его радостное приветствие. И не только не ответила, но еще увильнула от поцелуя. Муж так и застыл в полусогнутом состоянии с вытянутыми в трубочку губами.

Бросила на стул сумку – своего компаньона для похода на нелюбимую работу, сбросила сапоги на высоком каблуке, пошевелила затекшими пальцами на ногах, стянула пальто, уложила его на сумку, сверху красочно пристроила шляпку. Получилась пирамида из вещей и аксессуаров. Удовлетворенно оценила пирамиду и отправилась в ванну тщательно мыть руки. Свирепствует вторая волна гриппа, одним из средств защиты от гриппа является личная гигиена. С личной гигиеной у Маруси все в порядке, потому и вирусными заболеваниями не болеет. А с чем у Маруси не в порядке, так это с работой. И муж об этом отлично знает. Но когда супруга заводит разговор на эту остро-болезненную тему, временно теряет слух. Надеялся, что вместе с мытьем рук в слив утечет и недовольство. Но не тут-то было. Выйдя из ванны, молодая женщина задумчиво протянула:

- Надо что-то в жизни менять. – И почему-то окинула придирчивым взглядом супруга, словно уже пришла к важному решению – менять нужно именно его. Пусть он и классный парень, но терзаний не понимает и не принимает. Называет недовольство блажью.

Если честно, то хотела услышать слова поддержки. Зря надеялась, все пошло проторенным путем. Мужчина сложил колечком руки на своей богатырской груди, и смотрел на супругу по-родительски печально. Так смотрят на

капризного ребенка, который своими выходками задолбал всех, а его, терпеливого родителя, особенно. Но вершина терпения пока не достигнута.

Не дождавшись ответного хода, Маруся продолжила свой монолог, наплевав на тайное осуждение человека, стоящего перед ней в позе статуэтки премии «Оскар»: колечко рук он расслабил, и слеповатому человеку могло показаться, что у него в руках меч. У Маруськи было отличное зрение, и отличное воображение. Она мысленно дорисовала мужу меч и «покрыла» мужа золотом. Муж-статуэтка ее впечатлил. Она улыбнулась и тронула статуэтку указательным пальцем, решив проверить твердость. Палец попал в упругий живот, муж непроизвольно отпрянул. Но тоже улыбнулся, приняв ее уколы пальцем за заигрывание. Собрался сграбастать ее в охапку, нежно поцеловать, восполнить пробел, возникший при появлении жены в доме, но она снова увернулась. Забралась на широкий подоконник, изучила пейзаж за окном, подсунула кисти рук под колени, помахала ногами, удерживая каждую ногу поочередно в верхней точке и поочередно придирчиво изучая домашние тапки, похожие на обрезанные валенки, и поцокала языком – видимо, тапки ей не глянулись. На дворе середина марта, а она всё в полуваленках разгуливает по квартире. Но у нее постоянно мерзнут ноги, даже летом. Сама себе поставила диагноз – плохое кровообращение.

Наконец, заметила мужа, переставшего быть статуэткой. В настоящий момент он сидел на небольшом кухонном диванчике с перекинутой коромыслом ногой и терпеливо ждал продолжения неожиданного заявления. Маруся тяжело вздохнула, как на приеме у терапевта, который приложил к ее спине фонендоскоп, и сообщила:

- Наверное, я выбрала не ту профессию. Надо было поступать на филологический...

- Здравствуйте, приехали, - привычно выдохнул муж, не впервые услышав это сомнение. Начало о необходимости перемен ему импонировало: наконец, Мария на что-то решилась. Увы, она ограничилась набившими оскоминами «наверное» и «надо было». Его терпению оставалось только позавидовать.

- До свидания, - отреагировала Маруся. – Придумай что-нибудь поновей.

- Хорошо, - легко согласился терпеливый супруг. - Прошло десять лет, как ты окончила технический университет, и все десять лет ты долдонишь одно и то же. Маруся, или надо развернуть жизнь на сто восемьдесят градусов, или смириться и забыть о неправильности выбора.

- Коротко и ясно, и на том спасибо, - брякнула супруга, не выносившая нравоучений ни от кого, а от мужа в особенности. У него всегда менялся голос, глаза становились колючими, в пальцы жили своей нервной жизнью - шевелились, как у пианиста, репетирующего без инструмента. Желая сгладить свою резкость, с милой улыбкой предложила, - а теперь расскажи, как космические корабли бороздят просторы вселенной.

Фраза была позаимствована из комедии Гайдая. Обладательница стопроцентного зрения была напичкана крылатыми выражениями, спасающими ее в трудных ситуациях. Но применяла их в компании людей с чувством юмора. Один раз Маруся ввинтила фразочку, обитая в малознакомой среде, о чем тотчас пожалела – ей дали понять, что она чужая на этом празднике жизни. Она ретировалась, нашла утешение у подруги, с которой они обсудили человеческую глупость, смеялись, удивлялись. Кузина не призналась, что обижена, что страдает – она впервые почувствовала себя изгоем...

Уста мужа не коснулась улыбка. Он решил идти до конца и продолжил свою пламенно-нравоучительную речь.

- Еще не поздно получить второе высшее образование. Если тебя не устраивает очное обучение, можно учиться...

- Знаю, милый, знаю, что со мной, - пропела Маруся, подражая Пугачевой. – Потеряла себя я навсегда... - Прервала песнь на взлете и, нахмурившись, произнесла, - какой же ты, Жорка, зануда. Зануда из зануд. Ты не на лекции, расслабься.

- Лекции я читаю в том же университете, в котором мы с тобой учились. И хочу напомнить – я доцент кафедры «Соппротивление материалов».

- Странно, я подумала, что ты профессиональный психолог. Укажешь мне правильный путь, по которому я пойду со счастливой улыбкой. Или убедишь, что всё не так плохо.

- Всё, действительно, не так плохо. Если ты не можешь или не хочешь изменить ситуацию, то...

- Измени отношение к ней! – договорила жена, спрыгивая с подоконника. У мужа было такое пренебрежение во взгляде, что ей тут же захотелось ему отомстить. - Товарищ, я вам уже говорила, что поступила в этот дурацкий институт только из-за вас. Если вы забыли, то мне несложно восстановить события давнего прошлого. Я пришла поддержать подругу-абитуриентку и познакомилась с одним смешным парнем, то бишь, с вами. Потеряла голову от любви, а раз нет головы, то нет мозгов. Передумала поступать на филологический, хотя, целый год усиленно готовилась, занималась с репетитором.

- И поступала бы, кто тебе мешал. Мы полюбили друг друга с первого взгляда, разные институты, разные профессии любви не помеха.

- Ага, много ты понимаешь! Та же Ирка, моя подруга, сразу на тебя глаз положила. Что уж о других девчонках говорить. Пошла бы я в другой институт, она бы нашла к тебе подход. И прощай, прежняя любовь, здравствуй, новая!

- Так, значит, - опечалился муж, впервые услышав о недоверии жены, пребывавшей в то время в невестах.

- Значит, так, - перевернутым эхом, брякнула жена.

- Не доверяла мне...

- Доверяй, но проверяй.

- И теперь меня винишь в том, что выбрала не ту профессию. Но я тебя не уговаривал, не заставлял.

- Естественно, - выплюнула Маруся и вывернула вверх ладони, будто проверяла, идет ли дождь. - В нашей семье всегда виновата одна я! А не подумал, милый ты мой, что благодаря мне эта семья состоялась?!

- Здрате, приехали, - снова повторил любимый муж, красавец и умница, кандидат технических наук, без пяти минут доктор. – Еще скажи, что затянула

меня в загс на аркане, я сопротивлялся, а ты помахивала мне перед физиономией куском мяса.

- Почему куском мяса? – заинтересовалась женщина, оставив без внимания возмущение.

- Потому что в студенческие годы я постоянно недоедал. Всегда мечтал о здоровенном куске мяса...

- Блин, есть хочу! А ты тут со своими мечтами!

- Ужин давно готов. Я ждал тебя.

- Жорик, какой ты у меня молодец! – восхитилась жена и пошла на примирение. – Что у нас сегодня на ужин?

- Жареная картошка с котлетами.

- Обожаю жареную картошку с котлетами...

За ужином Кузина рассказала об очередном инциденте с коллегой, с Ингой Генриховной Таракановой, с которой они часто соревновались в красноречии. Как не хотелось Марусе признаться, но Тараканова почти всегда выходила победителем. Причина была в следующем – у Кузиной есть тормоза, у Таракановой их нет. Молодая женщина уважала ее возраст, та презирала и ее возраст, и ее трудолюбие, которое затмевало нелюбовь к профессии. Работа инженера-конструктора давалась Марии с трудом. Не могла сразу сообразить, чего от нее хочет руководитель проекта. Переспрашивать стеснялась – подумают, что дура первостатейная. Возвращалась на свое рабочее место и с пристрастием изучала схематичные наброски, выполненные рукой руководителя. В тот момент не думала о неправильности своего выбора, изо всех сил выполняла задание. И в редких случаях руководитель был ею недоволен. Но каждый раз говорил:

- Мария, вы долго запрягаете, но быстро едите. Но у нас, у русских, так принято.

Тараканова, получившая от молодой коллеги прозвище ополоумевшая княжна, была заслуженным работником на предприятии. Давно заслужила пенсию по возрасту, но уходить не собиралась. И зачем ей уходить, если

дома ее никто не ждет. Полоумная княжна была женщиной одинокой. Рабочий день начинала с чашки кофе и обсуждения политической обстановки. После чего приступала к работе, отгородившись от всех кульманом, время от времени прерываясь на колкости. Остальные, незаслуженные работники, давно освоили автоматическую систему проектирования «AutoCAD». Княжна «всякие новомодные штучки-дрючки» презирала, и чертила на чертежной доске, причем без очков. И это в ее-то годы. Страшно сказать, но ее возраст перевалил на восьмой десяток. Надо отдать ей должное – выглядела она моложе своих лет, спину держала ровно, на здоровье не жаловалась, глаза светились спортивным азартом, мозги работали четко.

Работа за кульманом и колкости в адрес коллег занимали не все рабочее время, княжну хватало и на «движняки», как характеризовал ее путешествия по другим отделам самый молодой инженер-конструктор Денис Бледнов. Он влился в дружный коллектив два года назад. Коллектив, действительно, был дружным. Но в семье не без уroda. Уродом была княжны Таракановой, без труда находившая причины для ссоры. Во время ее «движняков» все вздыхали с облегчением. Жаль, что после своих путешествий Тараканова возвращалась за кульман, по дороге награждая всех «комплиментами»...

Поделившись за ужином очередной выходкой полоумной княжны, Маруся заключила:

- Хватит ей небо коптить, поди родственники на том свете заждались.

Муж укоризненно посмотрел, прожевал котлету и с осуждением протянул:

- Маруся, нельзя так говорить о людях.

Его однообразные высказывания ей порядком надоели. Потому и не достигали своей воспитательной цели. Взял бы расхохотался, сказал что-нибудь искрометно-юмористическое, отшлепал бы, наконец, глядишь, и она бы забыла о своих проблемах, которые способен перековать любой непрофессиональный кузнец, включая ее, Марусю, настырную, неглупую женщину, временно потерявшуюся в пространстве.

- Мне ничего нельзя, а ей все можно! – завелась она. - Знаешь, что она сегодня выдала? Я тебе еще не все рассказала. Вот послушай...

- Не знаю и знать не хочу! - поспешно перебил супруг. - Сейчас ты начнешь пересказывать, расстроишься, расплачешься.

- Не буду я плакать-расстраиваться. И почему ты меня постоянно перебиваешь!

- Тебе можно меня перебивать, а мне нельзя.

- Мне можно! Представь, сегодня княжна переключилась с меня на другого человека. – Маруся сидела с таким торжественным видом, словно одна на всем белом свете знала, когда на Землю упадет очередной метеорит.

- На кого же? – без интереса спросил Жорик.

- На Дениса Бледнова, сегодняшнего именинника. Ты же знаешь, мы широко дни рождения не отмечаем, скромненько посидим, чай-кофе с тортиком выпьем и по домам. Денис принес огромный торт, банку приличного молотого кофе, и... бутылку коньяка.

При этих словах Жорик Кузин искоса взглянул на супругу, оценивая степень ее подпитости. Пригубив спиртного, она еще пуще начинала себя жалеть, жаловаться на жизнь. Сегодня встреча супругов прошла по обычному сценарию, без перебора.

- А как же ваш босс, язвенник-трезвенник? – поинтересовался Жорик.

- Босс в командировке, а мы... без него распоясались, - расцвела она улыбкой, заставив мужа призадуматься, что подразумевается под распоясыванием.

- Княжна-стукачка доложит о вашем распоясывании, не сомневайтесь.

- Не доложит, сегодня она была «первой скрипкой» - пила больше других, вела себя безобразно.

- И в чем же это выразалось?

- Приставала к Панченко.

- Ты же сказала к Денису... Бледнову, - с трудом вспомнил Георгий фамилию именинника.

- Сначала расскажу о Панченко. Он тоже, как и княжна, ровесник революции, - усмехнулась Маруся. – Нет, скорее, он моложе ее. Выглядит на зависть молодым. Впрочем, какое мне дело, сколько ему лет, я его в качестве спутника жизни не рассматриваю. – Брошенный взгляд мужа ей совсем не понравился, надо было исправлять ситуацию, - мне и с этим мужем комфортно, - глупо пошутила она.

Муж шутки не оценил, с таким усердием хрустел капустным салатом, что супруга испугалась за его зубы.

- Вкусно? – заискивающе поинтересовалась Мария.

- Когда я ем, я глух и нем.

- Ты живой человек или робот?! – От злости Маруся с силой ткнула вилкой в жареную картошку на тарелке, и ломтики разлетелись в разные стороны, в том числе улеглись на стол. Маруся спокойно собрала картошку руками и запихнула в рот.

- И тоже чертит без очков? – миролюбиво спросил Георгий, наблюдая за первобытным ужином своей супруги.

- Ты о ком? – не сразу сообразила она.

- О Панченко, ровеснике революции.

- С ровесником я погорячилась, - сильно расстроилась Мария, будто перепутала отчество Президента при всем честном народе. Для успокоения, отпила из стакана клюквенного морса, вытерла тыльной стороной губы, приняла от мужа бумажную салфетку, благодарно кивнула и положила салфетку рядом с тарелкой. - Владимир Иванович Панченко - завхоз. Обслуживает все отделы, но по штатному расписанию числится в нашем конструкторском бюро. Классный старикан, чего не скажешь о полоумной княжне. Сказала бы я о ней еще пару нежных слов, да ты не разрешаешь... В общем, наша бабушка треснула коньячку, начала вспоминать свою бурную молодость, лезть к Панченко с вопросами «а помнишь?..» Потом потчевала нас похабными анекдотами, пела гнусные частушки. Денис, виновник

торжества, вызвался отвезти ее домой на своей машине – он совсем не пил. Княжна согласилась, но перед уходом стукнула кулаком по столу и объявила, что хочет сказать тост за именинника. Ей показали пустую бутылку, она отмахнулась и взяла в руку чашку с недопитым кофе. И произнесла... тост. Хм... Начала говорить всё правильно, за здоровье, за успехи в работе, а потом ехидненько спрашивает у Дениса Бледнова: Почему ты до сих пор не женат? Он отвечает: Рано мне еще. – Понятно, ждешь, когда закон примут. – Какой закон? – не понял Бледнов. – Закон о разрешении однополых браков... Сказала и закатилась противным смехом. Уши от нее заложило. Мы все обомлели. Сидим и смотрим то на нее, то на Дениса.

- А он что, из этих?

- Не знаю, - покачала головой Маруся и гордо объявила, - в порочащих его связях замечен не был! И одевается он нормально, как все мужики. В туфлях на шпильках на работу не ходит, губы помадой не красит, бедрами не виляет.

- А с девчонками-коллегами заигрывает? – Не то, чтобы Жорику были интересны закулисные игры в дружном коллективе, спросил, чтобы жена знала, что ему интересно всё, что в разной степени к ней относится.

- С девчонками? – задумалась Маруся. - С кем ему заигрывать? Все незамужние девчонки мои ровесницы, за тридцатник перевалило. А Денису... в районе двадцати пяти. Мы для него уже старые. В смысле, не мы, они. Я не в счет.

- Но княжна не построила свои выводы на пустом месте. Наверное, ей что-то стало известно.

- Пьяные бредни.

- Думаешь? А мне кажется, что у княжны есть на него компромат. Придерживала информацию, а, приняв за воротник, своеобразно поздравила с днем рождения.

- Жорик, сколько она выпила?!

- Откуда я знаю! Меня там не было.

- Бутылка на толпу народа. Сильно не окосеешь.
- Учитывай возраст. Или ты намекаешь, что она изображала пьяную? Но зачем?
- С пьяной и взятки гладки. Мелет без раздумья, и наблюдает за реакцией.
- И какова была реакция у Дениса?
- Он побледнел, - подумав, ответила Маруся. – Потом сказал, что забыл, у него назначена встреча, и смылся.
- А княжна?
- Процедила сквозь зубы: «Молчание – знак согласия». Подхватила под руку Панченко, и они ушли. Мы быстро убрали со стола и тоже разошлись по домам. Никто тему сексуальной ориентации Дениса не поднимал. Всем было неловко... И всем хотелось раздавить этого болтливого таракана с подходящей фамилией. Интересно, тараканы-кровопийцы бывают?.. В нашем бюро точно вывелся единичный экземпляр. Надеюсь, этот экземпляр когда-нибудь нарвется на неприятность - против него выведут вакцину, и его существование, отравляющее жизнь нормальным людям, подойдет к концу...

Следующий день начался не как обычно. Первой на работу всегда приходила Тараканова, сегодня она задерживалась. Коллег сие обстоятельство не расстроило.

Панченко не появлялся. Он один мог рассказать, что произошло во время провоза, и почему княжна отсутствует.

Нелли Павловна Волнова хотела позвонить пропавшей Таракановой, но все дружно попросили ее этого не делать. Если старушка забыла, какой день недели, перепутала вторник с субботой, то пусть себе отдыхает. Без нее предприятие не перестанет слаженно работать.

Спустя полчаса в конструкторское бюро зашел молодой мужчина с толстой папкой под мышкой, за ним втиснулся Панченко...

Маруся Кузина позвонила мужу на первой паре, во время лекции, что ей категорически запрещалось. Георгий Анатольевич извинился перед студентами и вышел в коридор. Он не успел озвучить свое возмущение, жена сразу сообщила трагическим голосом:

- Тараканову убили. Ее нашли мертвой в прихожей собственной квартиры... Подробности письмом. – Даже в такой серьезный момент, не могла обойтись без своих крылатых выражений, выказывающих ее истинное состояние. Маруся находила смерть ненавистной коллеги забавной.

- Здравствуйте, приехали, - ввернул Жорик свою излюбленную фразу.

- Могла бы возмутиться по поводу твоего «здрaсте, приехали», но не стану – в этом случае фраза уместна, - бодро заявила Маруся голосом физкультурника, предложившего перейти к следующему упражнению. – Жорик, я чего звоню-то. Сообщить новость, это понятно, хочу услышать твои соображения, ты же умный.

- Здравствуйте... Мария Витальевна, - запоздало опомнился Георгий, - если ты не забыла, у меня сейчас лекция.

- Подумаешь, лекция! У нас убийство! – с ноткой восторженного преимущества сказала Маруся Кузина. – Мы тут головы ломаем, кто мог ее убить? Уже вконец поломали, а к выводу не пришли.

- И много набралось кандидатов на роль убийцы?

- Все наши плюс завхоз, который сопровождал ее вчера до подъезда. Еще хорошо, что босса нет – на одну кандидатуру меньше.

- Тараканова могла покончить жизнь самоубийством, - разумно рассудил кандидат технических наук. – Этот вариант не рассматривали?

- Княжна – самоубийца? Это анекдот из двух слов, - пробубнила Мария. - Жорик, ты представляешь, ни один человек не удивился, не пожалел несчастную старушку. Включая меня. Странно, да? И страшно. Неправильно это.

- А завхоз?

- Да, завхоза новость убила. Даже пришлось в медпункт отправить. Но завхоз – исключение.
- Значит, с ним у княжны сложились дружеские отношения. Позже и до вас дойдет, что случилось, и тоже станете ее жалеть. Плохая, хорошая она была, но все-таки человек... Маш, ты извини, меня студенты ждут.
- Ладно, иди к своим студентам. Но если умная мысль в голову придет, сразу звони.
- О чем ты?! Я вашу княжну никогда в глаза не видел. Знаю ее только с твоих слов.
- Надо было пригласить ее в наш дом, чтобы ты с ней познакомился?! – завелась Маруся. – Можно подумать, чтобы расследовать убийство, нужно обязательно быть с пострадавшим «на дружеской ноге»!
- Милая, не пытайся испортить о себе впечатление. Я знаю тебя пятнадцать лет, и не изменю своего мнения о твоих умственных способностях.
- Жорик, я тупая, я никак не могу изменить конструкцию... - перескочила Маруся на свою нелюбимую работу, полную сложных проблем. Но доцент кафедры «Соппротивление материалов» ее резко перебил:
- У тебя все получится! Ты умная, ты старательная, ты усидчивая.
- Ты переоцениваешь мои силы.
- Нисколько. Как бы ты не относилась к Таракановой, - повторился он, - ты все равно переживаешь. Все мысли заняты убийством, потому и не можешь изменить свою конструкцию... И не усердствуй. Переключись на что-то другое.
- Ты прав! Я займусь расследованием убийства этой полоумной. Тем более, босс в командировке, не перед кем строем ходить.
- Займись, вдруг найдешь свое призвание, - неожиданно разрешил Жорик. Предлагая переключиться на что-то другое, он вовсе не имел в виду любительское расследование, подразумевалась профессиональная сфера деятельности супруги, включающая в себя предостаточно разной сложности конструкций, требующих осмысления, воспроизведения, доработки.

- Думаешь, у меня получится? - настороженно спросила супруга, не надеясь на свой хороший слух.

- Ты целеустремленная. Единицы студентов, ничего не смыслящих в электротехнике, способны получить по экзамену пять баллов, - вспомнил бывшее бывший студент, ныне преподаватель, лишь бы поскорее отделаться.

- Причем здесь электротехника. В тот раз я просто вызубрила предмет без понимания, - не впервые призналась Мария без всякой гордости собой и отключилась. Возвращаться в студенческое прошлое ей не хотелось. Все пять студенческих лет Маруся пахала, как папа Карло. Учеба давалась ей с величайшим трудом...

Маруся деловито вернулась в свой кабинет, где сидели все восемь притихших коллег. С начальственным видом обозрела их, и, ничего не сказав, устроилась на своем месте. Уставилась на экран монитора, делая вид, что погрузилась в работу. На самом деле написала электронное письмо подруге Ирке Оплеуховой, которая давно нигде не работала. Получила диплом о высшем образовании, выскочила замуж за миниолигарха, нарожала ему троих детей и целыми днями сидела в соцсетях. За детьми ухаживала Иркина мать, ей помогала помощница по хозяйству с неограниченными обязанностями.

Иркин муж звался Карпом. Когда Маруся впервые услышала его имя в сочетании с фамилией, то несколько раз повторила сочетание - попробовала на вкус, потом до боли прикусила губу, чтобы не загоготать и не обидеть подругу, решившую тоже стать Оплеуховой. Ирка восторженно говорила о будущем супруге, Маша турзучила губу. В образовавшуюся паузу плавно льющей речи подруги Маша вставила свое «бывает». Что бывает, почему бывает, как это «бывает» относится к Ирке, саму будущую Оплеухову нисколько не интересовало. Она была влюблена в мужчину, который был старше на пятнадцать лет, и с чужим мнением, пусть и завуалированным, не считалась.

Оплеухов оказался мужиком «без кандибоберов», на миниолигарха совсем не тянул, пальцы не гнул, с друзьями своей обожаемой супруги быстро нашел общий язык. С Жориком они сошлись на пристрастии к рыбалке. Недалеко от загородного дома Оплеуховых разливался во всей своей

тиновой красе заброшенный пруд, до которого никак не доходили руки занятого олигарха. Только Ирка имела влияние на мужа, и могла настоять на приведении пруда в божеский вид. Но она предпочитала проводить отдых на заморских курортах. Для рыбалки годился и такой пруд, девственно запущенный...

Заскучавшая в деревне «барыня» мигом сбросила с себя сонное оцепенение, и написала ответ на сообщение об убийстве Таракановой, о которой слышала много «лестных» слов от подруги. Ответ содержал следующее: «Ну, и дела! Признайся, твоих рук дело?»

Маруська Кузина хмыкнула, чем приковала к себе внимание коллег, поочередно побывавших в кабинете временно отсутствующего руководителя, где проводился допрос. Причем Машу долго томили, вызвали одной из последних, и держали дольше всех. Видимо, нашлись «доброжелатели», нашептали полицейскому о взаимной «симпатии» двух разновозрастных женщин. После допроса никто не обронил ни слова. Все коллеги привычно занимались своими делами, словно убийство не было чем-то из ряда вон выходящим. Маруся решила, что коллеги переваривают свои ответы на каверзные вопросы следователя. Она свои ответы не переваривала, осторожно приступала к собственному расследованию убийства и искала соратника.

«Признаваться» даже в шуточной форме Кузина не решилась – мало ли что, вдруг они «под колпаком» у следователя с милой фамилией Антошкин. Минут пятнадцать после беседы с ним Маруська про себя призывала Антошкина «копать картошкина», для складности. И удивлялась своему нервно-возбужденному состоянию, порывалась всерьез заняться своими непосредственными обязанностями, но мысли улетали в известном направлении. Как вычислить убийцу Таракановой, Маруся пока не знала. Как не знала всех тонкостей этого дела. Но речь о самоубийстве не шла, иначе уголовное дело не возбуждалось.

Выпытать у следователя подробности не удалось никому из сотрудников, включая завхоза Владимира Ивановича Панченко, единственного из всех пустившего скупую мужскую слезу и забросившего под язык прозрачный шарик валидола. Волнова потянула его в медпункт, он ей подчинился.

Прошло часа два, а Панченко все не возвращался. Маруся несколько раз стучалась в его каморку, но ей никто не открыл. Улучила момент, когда в коридоре никого не было, и заглянула в замочную скважину. Ее встретила темень с привкусом мокрых веников.

Обо всем этом Кузина отписалась Ирине, не забыв изложить свои планы. Маруся не сомневалась, что Ирка к ней примкнет. Заскучавшая в соцсетях Оплеухова готова была «рыть землю». Кузина от нее не отставала, позабыв о проблемной конструкции. Подруги договорились встретиться после работы, чтобы обмозговать предстоящее расследование убийства.

Заручившись поддержкой жены миниолигарха, Мария Витальевна прихватила чашку и отправилась в холл, где стоял кулер с водой. По дороге вновь дернула дверную ручку завхозовой каморки - безуспешно попыталась попасть внутрь, и едва не выронила от возмущения чашку из рук. У нее к нему куча вопросов, а он в медпункте прохлаждается. И снова не затруднилась подглядеть в замочную скважину. И опять темень с привкусом мокрых веников. И еще чего-то непонятного, по запаху химия какая-то. Или на парфюм, которым полили потное тело. Маруся покопалась в ощущениях и поняла одно – запах ей не нравится. И надо во что бы то ни стало открыть дверь и посмотреть, что нового появилось в каморке в перерыве между первым и вторым подглядыванием. А вдруг там очередной труп? Теперь милого завхоза. Он мог наложить на себя руки после зверского убийства коллеги, с которой он был дружен многие годы. Или его кто-то убил.

- Он слишком много знал, - вдохновенно процитировала Маруся, шокировав молоденькую девицу, которая недавно устроилась в бухгалтерию. Девица напоминала драную кошку, которая и куста боится. Естественно, кошка не могла заинтересовать Дениса Бледнова, которого накануне обвинили в нетрадиционных связях. Марусю порадовало, что новая бухгалтерша выглядит, как драная кошка – конкуренток она не любила.

Маруся решила во чтобы то ни стало попасть в каморку завхоза, чтобы убедиться в отсутствии трупа. Панченко был ей симпатичен, его судьбы сильно беспокоила.

Запасной ключ имелся у вахтера. Маруся это знала. Как знала и то, что вахтер Михал Михалыч, а попросту дядя Миша, ключ «кому попадя» не дает. Кузина не была ответственным лицом за интересующее ее помещение. Ответственным лицом был незаменимый Владимир Иванович Панченко. На крайний случай начальник, он же руководитель всех проектов конструкторского бюро на предприятии по производству нестандартного технологического оборудования для одного из ведущих брендов российского сельхозмашиностроения. Была еще одна персона – генеральный директор предприятия, перед которым автоматически распахивались все двери, но обращаться к большому человеку с такой мелочью Кузина, естественно, не решилась.

Большого человека звали Моисей Михаэлевич Новляндский, за глаза – Пророк. Поговаривали, что Новляндский, будучи молодым специалистом, как это случалось в прежние времена, был прикреплен к старшему товарищу, а именно, к княжне Таракановой. Она с удовольствием взяла шефство над симпатичным чубатым парнем, холостым-неженатым. В ту пору ее возраст перевалил на пятый десяток, но ее сей факт нисколько не смущал, он смущал самого молодого специалиста. Пришлось срочно жениться на горластой девице из планового отдела. Девица звалась Розой, обладала не только зычным голосом, но и шипами, о которые укололась Тараканова, посягнувшая на чужое добро. Роза быстро дала понять, кому это добро принадлежит. Роза родила Пророку сына Семена. Два года назад Семен женился и укатил на ПМЖ в Израиль, огорчив своих родителей. В Израиле жили тесть и теща. Обо всем этом коллегам сообщила княжна, учинявшая бывшему подопечному допрос с пристрастием при каждой встрече.

Надо бы сообщить Новляндскому об убийстве, - подумала Маруся. – Постепенно перейти к завхозу. Дескать, переживаю за него, вдруг сердечный приступ от неожиданного известия... Хочу проверить его каморку, а вахтер ключи не дает... Что это я! - опомнилась она. - Первым, кто узнал о трагедии с Таракановой, был генеральный директор. И с какой стати я приду к нему с требованием открыть каморку!.. Ладно, никуда не пойду, займусь своими непосредственными обязанностями, рабочий день быстро пролетит... Не могу я заниматься всякой ерундистикой. Такие дела творятся

в нашей некогда тихо-интеллигентной организации, а я буду заниматься никому ненужной конструкцией. Отложим думы о безвременно покинувшей нас княжне в сторону и займемся гражданином Панченко, который накануне ушел вместе с Таракановой. Владимир Иванович рассказал и нам, и следователю, что проводил свою старинную знакомую до подъезда. Еще он заявил, что эта знакомая внезапно отрезвела, едва они вышли из проходной предприятия. О чем говорили по дороге? Этого никто, кроме следователя, не знает. И что можно обсудить за пятнадцать минут?

Тараканова жила в одном из домов, построенных предприятием для своих сотрудников в лучшие времена, в семидесятые годы прошлого века. Пятиэтажный кирпичный дом стоял среди себе подобных. В соседнем подъезде жил Пророк, желающий быть ближе к народу. Но народ знал, что Пророк выстроил нехилый домик на своем садовой участке. Садовое товарищество было организовано в середине восьмидесятых годов. Участки получили почти все желающие, включая будущего гендиректора, который в ту пору уже ушел из-под крыла Таракановой и занимал должность зама главного инженера завода. Спустя годы выкупил у соседа по даче кусок земли, и приступил к строительству сказочной избушки. Сказочной, потому что была она обшита деревом. И внутри всё было из дерева. Об этом коллегам сообщила Тараканова, побывавшая у Новляндских на торжестве по случаю новоселья. Никто не подумал, что ее пригласил Пророк из благодарности и уважения - сама напросилась, а он, будучи человеком воспитанным, будто бы сам проявил инициативу, предложил присоединиться к честной компании. Понадеялся, что пожилая дама откажется. Не тут-то было! Приперлась и принялась наблюдать за всеми. На следующий день бурлила положительными эмоциями, восторгалась домом, гостеприимными хозяевами, о гостях ничего не рассказывала – ни на кого не накопила компромата. Достойные люди в любой ситуации ведут себя достойно, а недостойным только повод дай, - вскользь обронила она, несмотря на то, что никто не засыпал ее вопросами.

Новоселье случилось еще на заре неудавшейся карьеры конструктора Кузиной, буквально в первые дни ее прихода на предприятие. Тогда она, вообще, не могла понять, о ком рассказывает пожилая седовласая дама, проведшая ночь с бигуди на голове. Маруське показалось, что дама стянула

бигуди, а расчесаться забыла. Во время ее красноречивого доклада скрутки на волосах потрясывались в такт. Уже после поняла, что дама всегда приходит с такими буклями на голове, покрывая голову косынкой или шапкой, в зависимости от времени года, а в стенах любимого предприятия аккуратно расчесывает волосы и активно сбрызгивает их лаком. Никакой косметикой Тараканова не пользовалась, лишь водила помадой по губам. С годами оттенки помады становились приглушеннее, а лицо бледнее и бледнее. Только во время нападков на коллег, княжна розовела. И скидывала несколько лет со своего уважаемого возраста. Мария считала, что она нарочно цепляется ко всем – заряжает свою батарейку, обещавшую в скором времени окончательно «умереть» без возможной замены.

Доцеплялась, - мысленно вынесла вердикт Кузина. Отлепилась от двери завхозовой каморки, налила из кулера воды в чашку и вернулась на свое место, про себя напевая одну из песен мюзикла «Чикаго»: он сам нарвался, он сам нарвался, и в этом нашей нет вины. Да будь вы сами на нашем месте, вы поступили бы так, как мы.

Голова начинающего сыщика работала четко. Все легче легкого, Тараканову убил кто-то из нас. Княжна поймала коллегу на крючок – узнала что-то... очень нехорошее, компрометирующее приличного на вид человека, и начала его завуалировано шантажировать. Он устал от ее намеков-недомолвок и отправил к заждавшимся на том свете родственникам.

Маруся сверлила взглядом кульман, за которым работала княжна, и цедила теплую воду из чашки. Во второй раз пропела про себя слова песни из «Чикаго» и закончила вслух, четко выговаривая фразу:

- Я сняла со стены дробовик и прострелила ему башку.

Естественно, никто из присутствующих не подумал, что это продолжение слов песни, пропетой про себя. Они приняли всё, как признание, и уважительно-сочувствующее уставились на «убийцу». Только Денис Бледнов удивленно протянул:

- Так нашу бабушку застрелили?

- Понятия не имею, - передернула плечами Мария Витальевна. До нее, наконец, дошло, что она опростоволосилась, а коллеги сделали поспешные выводы. - Товарищи дорогие, вы в своем уме?!

- А ты? В своем? – насмешливо спросила Евдокия Кабачкова. Маруся приятельствовала с ней на работе, вне работы они не пересекались. С разницей в несколько дней девушки устроились на предприятие, и это обстоятельство их сразу сблизило.

- Вчера пересматривала мюзикл «Чикаго», и теперь песни из этого мюзикла крутятся в голове, - нашлась Кузина и, отступив от ненужной темы, высказалась, – может, уберем отсюда кульман, чтобы глаза не мозолил.

- Я не против, - поддержала ее Кабачкова. Другие тоже были не против, но переложила действия по разбору чертежной доски и ее увозу за пределы конструкторского бюро на плечи завхоза Панченко.

- Кстати, - вспомнила сыщица, - кто-нибудь знает, куда подевался Владимир Иванович?

- Я отвела его в медпункт, - напомнила Нелли Павловна Волнова, сердобольная женщина предпенсионного возраста. Она мечтала поскорее уйти на пенсию, чтобы всю себя посвятить любимым внукам, которых у нее было трое или четверо, все давно сбились со счета. Шеф не загружал работой конструктора первой категории, большую часть рабочего времени она вязала носки своим внукам и давала дельные советы начинающим и не особо сообразительным сотрудникам. В свое время она «хватала звезды с неба», но вмешались обстоятельства, пришлось расставить прерогативы. Преданность профессии ушла на задворки. Перемены начались с беременности дочери, еще совсем молоденькой девятнадцатилетней девушки. Она едва не лишилась первенца. Беременность протекала тяжело, мать опекала ее, не давала ступить и шага без нее. Будущая бабушка поняла свое главное призвание, но бросить прибыльную работу не могла. Следующая беременность дочери, а потом и невестки, проходили гладко, но мать и свекровь в одном лице это не успокоило. Бабушка получилась из нее просто сумасшедшая.

Волнова была вторым по списку, после Панченко, человеком в дружном коллективе конструкторского бюро к кому не цеплялась погибшая Тараканова. Поговаривали, что в далеком прошлом между ними случился жесткий конфликт. Подробностей никто не знал. В ту пору Нелли была молоденькой инженершей, а Инга Генриховна зрелой женщиной со стажем и уже с «вредными» привычками. Подробностей никто не знал, но все догадывались, что Нелли вышла победителем в схватке. Инга Генриховна Тараканова начала сторониться своей более молодой коллеги, делала вид, что ее не существует.

Не так давно Тараканова прервала обет молчания, и бросила реплику - дескать, некоторым всё позволено, раз им гендиректор покровительствует.

Народ покопался и выкопал следующее: гендиректор Новляндский в студенческие годы учился у одной группе с супругами Волновыми. Их особых отношений никто не замечал, Нелли Павловна держала дистанцию. Чего не скажешь о навязчивой Инге Генриховне, которая не ограничивалась одним приветствием, постоянно задевала занятого директора, при этом величественно поглядывала на бегущих мимо сотрудников предприятия. В своем тесном конструкторском кругу не упускала момента, чтобы не рассказать о крепкой дружбе с большим начальником. И в очередной раз поделиться воспоминаниями о посещении директорской дачи. Одно и то же по сто двадцать пятому разу. И подчеркивала, что четы Волновых на торжестве не было...

- Пожалуй, я схожу в медпункт, - сообщила громким голосом Кузина. – Проверю, как там наш Владимир Иванович.

Маруся выскользнула из конструкторского бюро, в очередной раз подергала ручку завхозовой двери, в очередной раз приюхалась, приложив нос к замочной скважине. Смесь трех запахов снова заставила ее забеспокоиться...

В медпункте было тихо. Здесь царили привычные медицинские запахи. Дверь в кабинет была распахнута, за столом сидела медсестра Тамара и

что-то писала в тетради большого формата. Доктора Звенигородской видно не было.

- Чего тебе? – недружелюбно спросила Тамара, исподлобья взглянув на подкравшуюся Кузину. Маруся часто обращалась к медсестре за помощью – та делала ей инъекции, прописанные гинекологом. Не за спасибо, конечно. Поэтому Тамара благосклонно относилась к появлению пациентки. Но не сегодня.

- Что-то случилось? – спросила Кузина, зашмыгивая в кабинет и устраиваясь на стуле у стола медсестры.

- Нагоняй получила от доктора.

- По делу?

- Если бы. – Тамара понизила голос, - она как с мужем поцапается, так на мне зло срывает.

- А Звенигородская разве замужем?

- Как сказать. У них гостевой брак. Редко встречаются, но метко. Об их общении я узнаю первая... Так чего ты хотела?

- Пришла Панченко сопроводить до места работы.

- Проснулась, он ушел давно. Я ему укольчик сделала, он полегал на кушеточке, сказал, полегчало, и отчалил. Не забыл меня по мягкому месту стукнуть, все как обычно. Значит, оклемался. Ищи его в своих пенатах.

- Кто стукнул по мягкому месту? – не поняла Кузина. – Наш старичок Панченко тебя по мягкому месту?

- Ха, старичок! Все бы были такими старичками. Будто ты не знаешь, что он ходок. Сейчас не то, что раньше, чуть остепенился, но своего не упустит, если женщина того стоит.

- Быть такого не может! Он хороший дядька, порядочный.

- Если он тебя стороной обходит это ни о чем не говорит.

- Пойду, поищу его.

- Пойди, пойдя. Настойчивее постучи в его кабинет, может дверь и откроется. Если он... с делами уже управился.

- Тамара, не сплетничай!

- Не сплетничаю я, - обиделась медсестра. – Иди уже, у меня дел по горло.

Болтушка-простушка, - подумала о Томе Маруся. Как бы не злилась, ее словам поверила, потому что Тамара никогда не обсуждала своих пациентов, и не пациентов тоже не обсуждала. – Вот тебе и тихоня Панченко, старичок-лесовичок... А Томкина болтливость мне на руку. Значит, есть в жизни нашего завхоза темные пятна, о которых не всем известно. В число осведомленных личностей входит Тараканова, которая всегда сует нос не в свое дело. Она что-то прознала о темной стороне жизни Панченко и пригрозила поделиться информацией с заинтересованным лицом. Нет, не с женой завхоза – раз он такой любвеобильный, жена о его походах налево осведомлена, не пыхтела в молодости, сейчас и подавно не пыхтит, рукой махнула. Остается муж любовницы. У них гостевой брак. Но брак. Все мужчины собственники, не любят когда берут их собственность без спроса. Могут и шею свернуть. Был Панченко, и весь вышел. И мне кажется, я нашла убийцу Инги Генриховны Таракановой.

Впервые Маруся мысленно назвала ее официально, как положено, без всяких кличек, характеризующих ее «положительные» качества, принадлежность к высшему сословию и престарелый возраст.

Очередным доказательством вины Панченко является его внезапная болезнь со скоростным излечением, - подвела доказательную базу Кузина, поднимаясь по лестнице в конструкторское бюро. – Разыграл спектакль в присутствии следователя Антошкина – дескать, сражен новостью о смерти своей давней коллеги. Но не доиграл спектакль до конца, превратил драму в водевиль, когда зрители разошлись.

Томка предложила барабанить в дверь, - вспомнила Маруся, оказавшись на своем этаже, - а я поступлю иначе. Спрячусь в укромном месте и подожду. – Она повертела головой в поисках укромных мест. Длинный широкий коридор с многочисленными дверями был пуст. В углу стоял кулер,

за которым не спрячешься. Неподалеку от кулера находился кофейно-снековый автомат. - Вполне сойдет для пряток, - решила тайная наблюдательница за завхозами. - Опять же можно сделать вид, что раздумываешь над выбором, ежели тебя застукают. Не век же мне здесь торчать, надеюсь, они не будут весь день предаваться любовным утехам. Хотя, начальство в командировке, контроля нет... Но возраст! Надо себя беречь, дорогой товарищ Панченко, - мысленно обратилась к стареющему мужчине инженер-конструктор второй категории. - И перед коллегами неплохо бы помелькать, чтобы не забеспокоились, шум не подняли, домашний телефон не оборвали. Что вы тогда супруге скажете? Она вам точно найдет, что сказать. Кабелина ты старый, и когда ж ты угомонишься?! Так и скажет. И скалкой по лбу приложит. Но разве вас такими словами и ударами проймешь! Умирать будете, но женщин не преминете ущипнуть за мягкое место.

Все внимание Маруси было приковано к кофейному автомату. Со стороны любой бы понял, что выбор весьма затруднителен. Ничего странного. Но Марусю не занимали ни капучино, ни латте, ни горячий шоколад. Ее занимал Владимир Иванович Панченко, на которого она собралась возложить убийство Таракановой. Она представляла себя не сыщицей, а писателем детективных романов, который сам решает, кого казнить, кого миловать. Панченко казался ей подходящей кандидатурой на роль убийцы. Кто заподозрит пожилого человека, отзывчивого, покладистого? Никто! Раз никто, то выбор правильный. Так всегда бывает в романах Агаты Кристи: под подозрение попадают все, кроме главного виновника «торжества».

Сзади слышался скрип, Кузину ветром сдуло – спряталась за кофейным аппаратом. Дальше скрипа дело не пошло. Она выглянула, и увидела спину Дуси Кабачковой. Она шла по коридору прочь от того места, где притаилась Кузина, и тихо разговаривала по мобильному телефону.

- Молодец. Евдокия, - шепотом поблагодарила за идею Маруся, и тоже решила позвонить. Естественно, выбранной жертве. Почему бы мне ему не позвонить, - обычным голосом рассудила она, не боясь быть услышанной. - Я имею право потревожить завхоза в рабочее время? Имею. Допустим, предложу разобрать на запчасти кульман Таркановой, который беспокоит и

без того взгрустнувших сотрудников. Надо срочно убрать с глаз домой этот устаревший предмет интерьера, он же раздражитель.

Мобильный Панченко был отключен.

- Кто бы сомневался, - пробубнила себе под нос Мария Витальевна. – Чтобы от процесса не отвлекали, он вырубил мобильник... Странно, что я проглядела интерес Панченко к противоположному полу. Неужели я одна такая безглазая, ненаблюдательная?

Маруся тесно общалась с одной Кабачковой, которая не являлась распространителем информации. Женщины обсуждали наряды. Дуся Кабачкова прекрасно шила, принимала заказы от модниц и неплохо зарабатывала. На работу приходила, чтобы отдохнуть, сменить напряженную обстановку на расслабленно-разряженную. Босс загружал работой тех, «кто везет», остальные были на подхвате. Но и получали соответственно. Бросать работу Евдокия и не думала. «Трудовая книжка должна лежать в отделе кадров, стаж должен идти. А шитье приносить не только удовольствие, но и приличный доход», - говорила она приятельнице.

Кабачкова рассказывала о своих заказчицах, их капризах, своей выдержке. И конечно, показывала фотографии своих работ. Кузина не понимала, зачем человеку с творческими талантами заниматься скучной технической рутинной. Но Кабачкова утверждала, что смена деятельности благотворно влияет на процесс создания новых фасонов одежды...

Маруся задумалась и не заметила Дениса Бледнова, который стоял перед ней и пристально рассматривал, как статую в музее. Статуя ожила, оторвала плечо от кофейного автомата и дерзко предложила:

- Иди куда шел.

Денис с места не сдвинулся, покачал перед ней полиэтиленовым пакетом с пирожками и спросил:

- Будешь? – При этом растянул пакет двумя руками, предлагая угоститься. Маруся автоматически вытянула пирожок и надкусила.

- С повидлом, - зачем-то сообщила она с набитым ртом. – Ты Панченко не видел?

- Чего ты так переживаешь, найдется твой Панченко, никуда не денется.
- Панченко такой же мой, как и твой. Я спрашиваю – видел или нет, мне твои комментарии до лампочки.
- Кажется, видел. Когда шел в буфет, он в конце коридоре мелькнул, в районе туалета. В мужском туалете бачок протекает.
- Иди в туалет, проверь, там он или нет.
- Делать мне больше нечего, я чаю с пирожками хочу!
- Потерпишь, - гаркнула Маруся и вырвала из рук молодого человека пакет с пирожками.

Пришлось ему идти в мужской туалет и проверять. Маруся топталась неподалеку.

- Нет его там, - сообщил Бледнов и мокрыми пальцами осторожно забрал у нее свое богатство.
- Где он может быть? - призвала она к ответу несведущего человека. Но несведущий человек проигнорировал ее требование, он мечтал о чае с пирожками, поэтому, не одарив ее взглядом, заспешил на свое рабочее место. Маруся, напротив, привычно застыла, как изваяние, но не упустила случая насладиться зрелищем – проводить взглядом крепкую мужскую фигуру немаленького роста.

И вдруг запоздало задумалась: почему никто не сует туда-сюда? Почему повисла такая звенящая тишина? Ответ нашелся быстро, когда молодая женщина взглянула на круглые настенные часы. Оказалось, давным-давно наступило время обеденного перерыва. От перерыва осталось всего-то пятнадцать минут. Но до еды ли было сыщице-романистке Кузиной. Мысли о Панченко затмила новая идея. Нашелся еще один подозреваемый в убийстве Таракановой. Или правильнее сказать – в команде подозреваемых произошла замена: вместо Владимира Ивановича Панченко на роль убийцы выдвигается Денис Бледнов. Кандидатура завхоза отпала по одной веской причине – он вчера провожал погибшую до дома, подозрения тотчас падут на него. Он не дурак, так подставляться не будет. Иное дело Денис Бледнов. Когда княжна очернила его грязными намеками, он сразу улизнул,

пренебрегая просьбой коллег проводить полупьяную старушку. Почему бы не подождать ее в подъезде? Ждать пришлось недолго. Старушка поднялась на свой этаж, открыла дверь, убийца незаметно приблизился и... умертвил ее. Потом отодвинул тело и прикрыл дверь.

- Маш, ты чего здесь стоишь? – прервала ее размышления Евдокия.

- Стою, - нашла подходящий ответ Маруся, сбросила оцепенение и протараторила, - Дуся, а ты не знаешь, как убили Тараканову?

Сама не поняла, почему обратилась с этим вопросом к человеку, который увлечен только дизайном одежды. С какого перепуга следователь Антошкин с нею бы разоткровенничался? Собралась как-то оправдать свой «интерес не по адресу», но Кабачкова ее опередила:

- Не у одной тебя все мысли заняты убийством.

- Да уж...

- Вот и наша Нелли...

- А что Нелли?

- Поделилась с нами информацией, полученной от следователя. Ты как раз в медпункт метнулась.

- Волнова? И что за информация? - Мария вскинула брови, спрятав их под челкой – выказала свое крайнее удивление. Как будто Нелли Волнова призналась в преступлении.

- Оказывается, убитую княжну обнаружила соседка, пожалевшая любимца Таракановой, кота Федьку, вернувшегося с прогулки и орущего под дверь. Жалостливая соседка позвонила в дверь, потом начала стучать, в итоге дверь распахнулась сама собой. И перед ней предстало страшное зрелище. – Евдокия смотрела на подругу широко открытыми глазами, полными ужаса.

- Что дальше? – по-деловому осведомилась сыщица-романистка.

- Далее нам неведомо. Это всё, что удалось Волновой вытянуть из Антошкина. Волнова недолго боролась с желанием нам разболтать, посчитала полученные сведения не большой государственной тайной, и

красочно описала нападение злоумышленника на старушку, чей кот первым почуял неладное. Не исключено, что следователь ей поведал еще кое-что, но мы пока об этом не узнали. Ты же знаешь Волнову, она выдает новости по крупицам. Комментировать слова Нелли никто не стал. Один Панченко удивился, в чем причина расположенности следователя к Волновой. На что та отреагировала без промедления, бросив привычное «попрошу без намеков». А потом добавила: «Я спросила, Антошкин ответил».

- Можно подумать, она одна такая любознательная. Я тоже спрашивала, но все мои поползновения следователь пресекал на корню. Будто я лицо заинтересованное и, обладая информацией, могу влиять на следствие.

- А то ты не знаешь Волнову, у нее что родственников, что друзей – половина города. Не исключая, что Андрюшкин входит в число друзей родственников.

- В принципе, какая нам разница, кем он ей приходится. Жаль, не была до конца откровенной. Может, подъехать к ней? Как думаешь?

- Попробуй... Ты уже обедала?

- Пирожок с повидлом съела, Денис угостил.

- Пошли чайку попьем.

- Иди, я сейчас.

Евдокия не успела далеко отойти, как ее окликнула Маруся.

- Дуся, ты что-то говорила о Панченко?

- Ну да. Он заподозрил Волнову в связи с Антошкиным. – Евдокия Кабачкова сдержанно улыбнулась, для широкой открытой улыбки было не то время.

- А сейчас он где?

- Как где? – удивилась Кабачкова, засомневавшись в умственных способностях подруги, - там же, где и всегда. Чем он занимается в обеденный перерыв?

- И ты ОБ ЭТОМ знаешь? – закатила глаза Кузина. - Одна я, как белая ворона...

- Слушай, белая ворона, с тобой всё в порядке?
- Да, а что?
- А то! Панченко играет в шахматы в комнате отдыха на протяжении всех лет, что мы здесь работаем. Его пристрастия не изменят ни землетрясения, ни гром с молнией, ни даже не убийства.
- Точно, как я могла забыть, - сокрушенно покачала головой Маруся. – А до шахмат он был в нашем кабинете?
- Да, разбирал кульман Таракановой. Мы его попросили. Но прервал свое занятие в двенадцать, когда подошло время обеденного перерыва, сказал, потом доделает. Бросил инструмент и ускакал играть в шахматы.
- Странно, что я его не встретила по дороге в медпункт.
- Он мог куда-нибудь заглянуть. – Дуся дернула головой в сторону мужского туалета.
- Денис говорил, что там бачок протекает, - вспомнила Маруся. – Наверное, он занимался бачком, а мы решили, что он еще в медпункте. Тома сказала, что он ушел за полчаса до моего прихода. Перед тем, как туда отправиться, я проверяла, Панченко в его коморке не было... Если он не занимался ремонтными работами, но где он пропал до того, как зайти к нам в кабинет?
- А то у него дел мало, - быстро отреагировала Дуся встав на защиту безответного умельца на все руки.
- Что дел, что интересов... разного характера у Панченко с головой, - завуалировано высказалась Маруся. – Слушай, Дусечка, а ты ничего подозрительного в коридоре не заметила?
- А что ты подразумеваешь под подозрительным?
- Допустим, человека, который вел себя неадекватно. Или выглядел необычно.
- Ага, проходил тут один в маске-фантамаске и с автоматом Калашникова на груди. Искал тебя, - заговорщицки доложила подруга.

- Шутить изволите. Если есть, что сказать, то говори, - насупилась Кузина, чьи мысли занимало расследование-сочинение. Она еще не определилась, чем именно хочет заниматься: сочинением детективной истории, в основе которой лежит реальное убийство, или планомерным расследованием настоящего убийства без личностных отношений к коллегам.

- Не знаю, что считать подозрительным... Ладно, мое дело сказать, а тебе решать. Я вышла в коридор к кофейному автомату, когда Панченко только приступил к работе, начал раскручивать болты. При этом издавал такие зубодробильные звуки, что моя и без того опухшая голова, еще больше увеличилась в размере. И кого я увидела в коридоре?! Нашу докторшу, Звенигородскую. Еще подумала, что кому-то заплохело, вот ее и вызвали. Но в ее руках не было ничего. И вспомни, она приходит сюда в редких случаях, чаще Тамара.

- Как она выглядела?

- Так, словно ее только что вытащили из стиральной машинки. Я еще подумала, что попалась взбалмошная пациентка, которая сошлась с ней в рукопашной. И еще парфюм, - подкатила глаза Евдокия. – Это что-то с чем-то, скажу я тебе. Купалась она в нем что ли?! Нельзя же медицинскому работнику любого ранга обильно поливать себя духами. Такой запах способен свалить с ног здорового человека, чего уж говорить о больных, с которыми ей приходится иметь дело. У меня после ее шествия по коридору в носу засвербело, про голову я, вообще, не говорю. Доконали меня и завхоз, и врачаха. Двойной кофе спас... Но все равно чувствую себя не комильфо. Как думаешь, может мне отпроситься после обеда? Мастер-ломастер снова придет и начнет курочить кульман.

- Вот значит как. Тогда я начинаю кое-что понимать.

- Маша, я правду говорю – голова раскалывается. Я ничего не придумываю.

- О Звенигородской тоже правду сказала, не присочинила, чтобы найти причину слинять с работы?

- Век воли не видать, - поклялась Дуся без намека на веселье. Мина на лице была скорбно-сочувствующей, будто она стояла перед гробом безвинно почившей Таракановой.

- Хотелось бы мне столкнуться с докторшей нос к носу.
- Сдалась она тебе...

В голове Кузиной всё стало по местам: Панченко водил лямур-тужур с докторшей в своей камере. Потом он вышел, занялся разборкой кульмана, а его любовница Звенигородская кое-как привела себя в порядок и поспешила в медпункт. Как назло в коридор вынесло Кабачкову, у которой разболелась голова от громких звуков. И еще Маруся вспомнила, что с обратной стороны двери камеры завхоза, в районе замочной скважины, куда она заглядывала и принюхивалась, прибит кусок черной резины, не позволяющий любопытствующим особам подглядывать за происходящим внутри.

Да, правильно я исключила из списка подозреваемых Панченко, - подумала Маруся. – Как я уже говорила, он не полный дурак, и нервная система у него крепка, как стальной канат. Даже такой вздорной особе, как княжна, ни разу не удалось вывести его из себя. Шантаж? Панченко давно перестал бояться. В его возрасте любовные связи не порочат, волей-неволей мужчиной-любовником в годах начинаешь восторгаться. Именно сегодняшняя утеха подтверждает его непричастность к убийству. Только законченный рецидивист будет заниматься любовью с женщиной после совершенного деяния с летальным исходом.

Так решила сыщица-романистка.

Но червячок сомнения все-таки остался. Старушка Тараканова попыталась затянуть к себе Панченко, он ее слегка оттолкнул от себя. Она завалилась и шмякнулась башкой о некий предмет мебели. Панченко струхнул, оставил всё как есть и улизнул. А сегодняшний «блицтрах» использовал для снятия нервного перенапряжения.

Инженер-конструктор второй категории окончательно запуталась. Если по чесноку, то Панченко в роли убийцы, пусть убийство произошло по неосторожности, ее не устраивал. Убийца должен быть гадким внутри, обворожительно-загадочным внешне. Чтобы никто не догадался. Завхоз был положительным во всех отношениях, и внутри, и снаружи красив.

Маруся помнила, как он ее помогал в сложных ситуациях, как умел подобрать ласково-утешительное слово. Терпеливо учил ее играть в шахматы. Не его вина, что ученица не превзошла учителя. Ученица быстро загорелась и быстро потухла. Сменила шахматы на настольный теннис. В теннис Маруся играла целых три месяца. Теннисный стол стоял в комнате отдыха. Здесь же, на значительном отдалении от теннисистов-любителей, проводились турниры по шахматам. Комната отдыха была огромной. Заслуга в ее появлении принадлежит Пророку. Он увлекался шахматами, теннисом, баскетболом. Баскетбольное кольцо тоже имелось на стене, одно время парни бросали мяч по кольцу, но их азарт мешал шахматистам. Баскетболисты устали выслушивать возмущения, и переключились на теннис. Они играли тихо, слышались только удары ракетки по теннисному шарик, и шлепанье шарика по столу или полу. А шахматисты вконец обнаглели и постоянно переругивались между собой, иной раз дело доходило до скандалов. Неизвестно, какую цель они преследовали, но ряды теннисистов стали редеть, потом и вовсе теннис был забыт. Но шахматы живы и по сию пору. Без ругани игра не обходится.

Маруся Кузина направилась в комнату отдыха, чтобы понаблюдать за Панченко. Его кандидатура пока перекечевала в колонку «под вопросом». Вычеркнуть его из списка подозреваемых Кузина посчитала преждевременным. Как бы она к нему не относилась.

То ли дело Денис Бледнов.

Мария представила, как Денис убивает Тараканову, например, ударом тяжелого предмета по голове, и пришла к очередному выводу – Денис нашел бы другой способ избавиться от вредной старушки. Что касается мотива убийства, то его тоже можно оспорить – советские времена, когда в уголовном кодексе имелась статья за мужеложство, давно канули в вечность. Люди с нетрадиционной ориентацией своих пристрастий не стыдятся, напротив, рекламирует их направо и налево, считают себя продвинутыми, «в тренде».

И все-таки кандидатура Бледнова тоже остается под вопросом,- подумала Кузина, не желая оставаться без подозреваемых.

Вдруг Денис не хочет быть «в тренде». Стыдится, что он «из этих», но ничего с собой поделаться не может. Опять же родители... Не каждый родитель смирится с тем, что у него такой сын...

Сегодня кофейный аппарат стал для Кузиной камнем преткновения. Она снова встала возле него часовым, раздумывая, идти в комнату отдыха или нет. Решила посоветоваться по телефону с подругой. Ирка сначала заявила, что занята, и если у Кузиной «не горит», то...

Дальше «то» она не пошла, у Маруськи «горело», о чем она заявила со злорадством, словно только и мечтала, чтобы помешать занятому человеку. Пришлось Ирке смириться. После сбивчивого рассказа, спросила совсем не то, что рассчитывала услышать докладчица-сочинительница:

- Как-как зовут следователя?

- Откуда я знаю, как его зовут?!

- Балда ты, Маша! Я про фамилию спрашиваю! Я слышала, ты называла его фамилию!?

- Что изменит его фамилия?

- Мария!

- Вот привязалась! Антошкин его фамилия. Устраивает?

- Пока не знаю, - загадочно протянула Ирина Оплеухова, супруга Карпа Оплеухова. – Марусь, ты не заметила, у него есть на лбу, ближе к левому виску, небольшой шрам?

- Шрам? – Маруся представила следователя Антошкина, хмурого мужчину с предвзятым отношением ко всем коллегам убитой Таракановой. Отчетливо вспомнила его губы - тонкую верхнюю и пухлую нижнюю. Нос с горбинкой. Далек посаженные глаза. Не злые, но и недоброжелательные. Лицо скуластое. Высокий лоб...- Ира, ты сказала – ближе к левому виску? Там должен быть шрам?

- Не должен, а...

- На каком?!

- На лбу, ближе к левому виску, - терпеливо повторила Ирина, надеясь получить утвердительный ответ. Все-таки, фамилия Антошкин - не Иванов, но все же...

- К левому-у-у, - промычала Кузина, выдержала паузу и трагическим голосом призналась, - Да, шрам был. В смысле, он есть на лбу, ближе к левому виску. Антошкин постоянно оттягивал пальцами мочку левого уха, поэтому я заметила этот шрам. Но он в глаза не бросается. Если бы была челка, то шрама, вообще, видно не было. Но шрамы мужчины украшают, Правда, ведь?

- Марусенция, ты я вижу не в себе, пургу несешь, не уставая. Можно подумать, это ты бабульку кокнула и теперь боишься, что следовательно... со шрамом, - зловеще добавила подруга, - на тебя выйдет. И сидеть тебе, милая моя, долгих... сколько-то там лет: я не юрист, статей закона не знаю. Но если ты совершила преступление в состоянии аффекта, то срок тебе скостят. Слушай, Машка, у меня родилась гениальная идея! Давай тебя в дурку закроем. Отсидишься, переждешь, а когда всё поутихнет, ты выйдешь... глуповатым овощем.

- Очень смешно, - обиделась Маруся. Подобных тем она не касалась, в жизни были острые моменты, после которых ее могли закрыть в дурке. - Я к ней, как к близкой подруге, обратилась со своими проблемами, а она...

- Еще скажи: и с этим человеком я дружу практически всю жизнь!

- Как дружу, так и раздружусь.

Оплеухова поняла, что перегнула палку. Сейчас Маша прервет телефонный разговор, а потом начнет сбрасывать все ее звонки. Или того лучше – вырубит мобильник.

- Маруся, прости, - заканючила Ирка, - язык мой – враг мой. Хотела поднять тебе настроение, сделать, как лучше, а получилось... Сама знаешь. Принимаешь мое расшаркивание?

- Принимаю, куда тебя денешь. Не дал Бог ума человеку, что ж теперь. Я буду умнее.

- Умничка! Моя дорогая девочка!

- Не подлизывайся. Лучше скажи, на кой черт тебе сдался шрам на лбу? И чем он нам поможет?

- Маруська! Нам крупно повезло! Можно сказать, мы выиграли в лотерею! Я этого Антошкина знаю от рождения. Наши мамы очень дружили. Это я оставила ему метку, в детстве долбанула лопаткой от обиды. Он девочку конфетой угостил, другую сам слопал, а мне ничего не досталось.

- Ты его не от обиды огрела, а от ревности, - сообразила Кузина. – Ты сладкое никогда не любила.

- И Димку Антошкина я никогда не любила, - призналась Оплеухова. – Надеюсь, он меня простил за повреждение фейса.

- Мужчину шрамы украшают, - повторила Мария. Радости подруги она не разделяла. Вдруг Антошкин затаил на Ирину навсежизненную обиду, вдруг у него после инцидента всё пошло вверх тормашками - мечтал стать артистом, стал следователем. Конечно, проблему мог устранить пластический хирург, но мужчину затащить к любому врачу проблематично, исполнение мечты не сыграет роль пендаля.

- Чего ты зациклилась на этом шраме!

- Ты первая начала.

- Забыли, проехали. Теперь я знаю, что делать. Я позвоню Димкиной матери, тете Вале, и узнаю его номер телефона. Наберусь-ка я наглости и потерблю друга моего безмятежного детства. Надеюсь, он меня не пошлет куда подальше, а согласится встретиться. Скажу, у меня безотлагательное дело, на кону...

- Ира, только не надо высокопарных слов! Скажи правду, мол, у тебя есть близкая подруга, у подруги...

- Не учи ученого! Сама знаю, что ему сказать.

- Вот и ладненько.

- Не слышу радости в голосе.

Замечание Кузина проигнорировала, перескочила назад, в то место, где Оплеухова говорила о том, что наберется наглости и потеряет друга детства.

- Ирочка, пожалуйста, наберись наглости, не откладывай дело в долгий ящик, - засюсюкала Кузина. – Сама не знаю, почему меня так колбасит. Прямо, места себе не нахожу. Будто княжна была моей любимой родственницей. Сначала решила занять свой гуманитарный ум, провести самостоятельное расследование. Сказать честно – твой Антошкин не показался мне специалистом высокого класса. Тугодумом и лентяем показался, это да. Мелькнула мысль, что ему по барабану, кто убил старушку. Скорее бы на кого-нибудь навесить убийство, и закрыть дело. Думаю, он уже выбрал подходящую кандидатуру, которая после долгих часов допроса согласится подписать признательные показания.

- Извините, часовню тоже я развалил? – шутливым голосом спросила Ирина.

- Нет, это было до вас, в шестнадцатом веке, - автоматически ответила любительница советских кинокомедий.

- Уже лучше. Вижу, ты не потерянный человек для общества, - похихикала подруга.

- Не обращай на меня внимание, говорю же – колбасит без видимой причины... Или причина есть? Вдруг я следующая жертва?

- Семен Семеныч!

- Молчу, молчу. Вернемся к нашим баранам. Ира! – деловито вступила Маруся. – Для начала мне нужно знать подробности убийства. Антошкин нам ничего не рассказал, изображал из себя держателя государственной тайны.

- Что ж ты его так невзлюбила! – закудахтала Оплеухова. – И лентяй, и бездарь, и черти что, а не следователь. Маруся ты не обижайся, но первое мнение о человеке ты всегда складываешь ошибочное. И потом делаешь вид, что ничего подобного не говорила, что он или она хороший, ты его плохим никогда не считала. Хороший-плохой это для примера, ты, как гуманитарий и несостоявшийся филолог обладаешь большим запасом слов.

Однако в последнее время я стала замечать, что ты скудна в выражениях. Краски исчезли, синонимы избитые. Что случилось, Марусенция? Или любовь утекла в канализацию? Муж опостылел? Любовника нашла и погрязла в обмане? Поделись со здравомыслящей подругой, она тебе мозги на место поставит, растормошит, рассмешит, даст дельный совет, если это потребуется.

- Думай, что говоришь, здравомыслящая! – рявкнула Кузина. – Я своего Жорика безумно люблю.

- И он тебя, - подсказала Ира.

- Мне не нравится, как ты ЭТО сказала! Не веришь, что у нас любовь до гроба?

- Тебе какая разница, верю или не верю. Главное, чтобы ты верила.

- И опять не понимаю. Ира, ты что-то знаешь? Если знаешь, так и скажи, языком попросту не мели.

- Маша, что я могу знать! Я в городе бываю раз в неделю. Или того меньше. Привыкла жить в своей деревне, городская суета раздражает, дышать в городе нечем.

- И ты видишь жизнь из окна своего персонального автомобиля? – подражая товарищу Саахову из «Кавказской пленницы», поинтересовалась Маруся.

- Напекаешь, что, проезжая по улице, я могла заметить... одного знакомого под ручку с молоденькой студенткой?

-...

- Каюсь, не замечала, - усмехнулась Ирина. – Ни одного, ни под ручку со студенткой. А то ты своего Жорика не знаешь! У него одно в голове – защита докторской.

- Это правда. Скоро забудет, как меня зовут, - опечалилась Кузина.

- Не грусти, всё проходит, пройдет и это. И не убийство Таракановой тебя растревожило, а одиночество заело. Приходишь домой, хочешь

расслабиться, поделиться проблемами с родным человеком, а ему до тебя и дела нет.

- Я делюсь с ним. И, кажется, он устал от меня. Я постоянно жалуюсь, пишу. Кто это вытерпит.

- Тот, кто любит... Маруся, ты успокойся, не бери ничего в голову. Враг будет разбит, победа будет за нами. Пока...

- Ирка, погоди, я... Перезвонишь мне разговора с Антошкиным.

- Не перезвоню, встретимся после работы, как и договаривались, и все обсудим. Надеюсь, к тому времени я узнаю обстоятельства дела.

- Ладно, - безрадостно согласилась Маруся. – А мне, что прикажешь делать?

- Найди Панченко и поговори с ним. Пусть расскажет, о чем они вчера разговаривали с Таракановой. Заходил ли разговор о Денисе. Сразу они двинули к ее дому или где-то гуляли. Если гуляли, то под подозрение попадают все ваши, не один Денис, который покинул компанию раньше всех. Убийца улучил подходящий момент: любой из вас вспомнит, чем закончился вчерашний гайгуй - намеками на сексуальную ориентацию Бледнова. Вот он и воспользовался случаем. Пусть думают на мальчика с отклонениями, который тщательно скрывал о себе правду. Маруся, а ты вспомни, чем еще поразила болтливая старушка накануне?

- Я за ней по пятам не ходила, и к ее бреду не прислушивалась. А с чего ты решила, что Панченко станет со мной откровенничать? Я не следователь.

- Маруся, раскрепостись, тогда мужчины к тебе потянутся.

- Ты... мне... предлагаешь... изменить мужу, - задыхаясь от возмущения, проговорила Кузина.

- Машка, ты дура стоеросовая! Я не предлагала наставлять рога кандидату технических наук, я предлагала вспомнить, что ты симпатичная женщина, что умеешь кокетничать...

- Это ты дура стоеросовая! Панченко мне в деда годится.

- Не преувеличивай.
- Хорошо, в отцы. Он и обращается со мной, как отец. Заботится, конфетки подсовывает.
- Конфетка, иди к Панченко и вызови на дружескую беседу. Всё, до вечера...

Прежде чем направиться в комнату отдыха, где предположительно проводил обеденное время Владимир Иванович Панченко, Маруся Кузина заглянула в конструкторское бюро. Не распахнула дверь настежь, а приоткрыла маленькую щелочку. В щелочку попала Дуся Кабачкова. Она тянула из чашки чай или кофе и читала толстую книгу. Кузина знала, что третий месяц ее приятельница штудирует «Войну и мир», грозитя бросить, не дочитав, но упорно не бросает. Практически каждый обеденный перерыв бегают глазами по страницам романа Льва Толстого, благо не обсуждают прочитанное с Марусей. Маруся ни раз спрашивала, с чего вдруг такая заинтересованность литературой из школьной программы, на что не получала вразумительного ответа. Лишь недавно Евдокия призналась, что читает роман «для саморазвития». Кузина пошла дальше и поинтересовалась о причине саморазвития, которое ранее тихо спало и не предъявляло претензии к человеку с высшим техническим образованием, по совместительству дизайнеру женской одежды. Кабачкова помялась, но потом призналась, что познакомилась с мужчиной, который учительствует в школе, а на досуге пишет стихи и прозу. Если честно, то проза – короткие рассказы – ей нравятся больше, чем стихи. Евдокия благоволит к привычному для всех стихосложению, а белый стих не понимает. Ее новый знакомый пишет стихи в непонятной манере, доводя Дусю по головной боли. Голова у подруги болит постоянно, в большей или меньшей степени, Маруся об этой проблеме осведомлена. Причина в ухудшении зрения, теперешние очки ей не подходят. Кузина предлагает Дусе сходить к окулисту, но та отмахивается, объясняет свое нежелание нехваткой свободного времени. И продолжает издеваться над глазами: днем сидит за монитором компьютера, в обед саморазвивается, вечером кроит, шьет «при лучине». Спрашивается – когда находит время для личной жизни? Кузина просила

познакомить ее с поэтом-литератором, или хотя бы поглазеть на него со стороны, но Кабачкова упирается. Можно подумать, Маруся составит ей конкуренцию или начнет охаивать мужчину. Она только рада, что милая молодая женщина, пусть и не красавица, пусть повернутая на своем увлечении, как-то разнообразит свою жизнь.

Кузина печально вздохнула – а то у нее жизнь полна впечатлений! Как у всех – дом, работа. Муж. Муж, который только и знает, что награждает ее своим «здрасьте, приехали». Она ждет от него слов поддержки, ждет понимания, а он лишь поддакивает. Относится к ней, как к вздорной девчонке. Хочешь играть – играй, хочешь спать – спи, не хочешь готовить – не готовь, сам приготовлю... Но в последнее время Жорик изменился, что не удивительно – скоро защита.

У человека грядет важное событие, а она ему нервы портит.

Маруся клятвенно себе пообещала измениться. С коллегами она всегда вела себя ровно, Тараканова не в счет, а вот с мужем... У них отношения не «муж-жена», а «отец-дочь». Вот надоест Жорику вытирать ей сопли, и найдет он настоящую жену.

Она докажет своему Жорику, что кое-что в этой жизни умеет. Тогда он забудет свое «здрасьте, приехали», а удивленно протянет: «Ну, ты даешь, я бы так не смог».

А она смогла! Смогла раскрыть преступление, которое пришлось не «по зубам» даже профессионалу Дмитрию Антошкину, которого в детстве припечатала лопаткой Ирка Оплеухова. А не фиг других девчонок конфетами угощать.

Ирка! – опомнилась Маруся. – Вечером спросит у меня о проделанной работе, и что я ей отвечу? Скажу, что размышляла о своей семейной жизни вместо того, чтобы подкатить в Панченко с расспросами.

В некогда тихом коридоре зашумели люди. Обеденный перерыв незаметно подошел к концу. Из-за угла, где располагалась комната отдыха «по интересам», потянулись сотрудники предприятия, обсуждающие прошедший турнир по шахматам. Кузина не сомневалась, что победителем вышел здоровяк из испытательного центра, который восхищал своим

постоянным румянцем во всю щеку. Восхищал всех женщин, кроме Таракановой, что неудивительно при ее «любви» к людям. Особенно к тем, у кого были таланты в разных областях. Странно, что княжна цеплялась к Кузиной, у которой с талантами была напряженка. Или наблюдательная старушенция что-то заметила, и начала заранее гнобить, чтобы та не зарывалась. Маруся никогда не зарывалась, больше страдала от своей никчемности и тупости.

Но в отношении к здоровяку они с Таракановой были едины – им обеим он был несимпатичен. Маруся не могла понять, откуда возникла неприязнь. Но так бывает...

Здоровяк из испытательного центра впечатывал в половое покрытие свои ноги сорок шестого размера, еле поспевал за ним Денис Бледнов. Щеки здоровяка пылили, а глаза метали молнии. Денис был нездорово весел – приблизительно улыбался во весь рот, будто не верил свалившемуся счастью.

- Что, не пускают? – спросил он у Кузиной, застывшей у двери конструкторского бюро.

Кузина, собравшаяся раскрыть преступление и поразить всех своей сообразительностью, сегодня поражала саму себя заторможенностью и полетом мыслей не в ту сторону. Но на шутку Дениса отреагировала быстро, пусть «не по делу», как показалось бы со стороны. Сыщица, переставшая быть сочинительницей, не забыла, что Бледнов вместе с Панченко входит в немногочисленный список подозреваемых по делу об убийстве. В связи с чем, с ним надо придруживать, чтобы невзначай поймать на неосторожном слове.

- А что это ты светишься, как гирлянда на новогодней елке? – Как ни пыталась придать голосу радость от встречи с «долгожданным гостем», у Маруси не вышло. Она не могла себе изменить – к Денису Бледнову относилась, как старослужащий к салаге: с долей презрения, с долей унижения, с долей безразличия. Салага Бледнов, напротив, старался угодить «старослужащей», оказывал знаки внимания, угощал всякой калорийной ерундой, от которой Кузина прибавляла в весе. Она легко находила виноватых, о своей вине речь никогда не шла. Кабачкова утверждала, что Бледнов к ней «неровно дышит». Даже она, швея-инженерша, погрязшая в

собственных делах и не интересующаяся жизнью коллег, не замечавшая лежащего на поверхности, и то обратила внимание на «вращение сопливого мальчишки вокруг подруги». Подруга не забыла, сколько ей лет, и сколько лет сопливому мальчишке, о чем не преминула напомнить Кабачковой. И еще напомнила о существовании любимого мужа. Пусть он слушает ее вполуха. Но слушает же! Что-то в ухо влетает, что-то в голове застревает. И это его «здрате, приехали» - не запятая в ее монологе, он так реагирует. Да, у нее прекрасный муж. Лучше всех! Неужели это мальчик рассчитывает на ее благосклонность? Она не променяет Жорика на тысячу таких мальчиков. На миллион.

- Ты заметила, что я свечусь? – с восторгом ввернул вопрос мальчик Денис, причем сказано было таким томным голосом, будто предлагалось уединиться в каморке завхоза, в комнате для любовных свиданий. И ввернув свой вопрос, мальчик слишком близко подошел к Кузиной, которая непроизвольно отступила на пару шагов. В этот момент дверь их кабинета распахнулась, чуть не двинув Марусю по лбу. - Осторожнее, - запоздало пробормотал парень, и запоздало придержал дверь. Радость на лице сменилась беспокойством.

- А ты не стой «под стрелой», - шутливо обронил выходящий из кабинета. Маруся по голосу узнала Нелли Павловну Волнову.

Женщина обогнула молодежь, как она называла всех своих коллег, кроме Таракановой, Панченко и босса, и неспешно пошла по коридору с грязной посудой в руках. Кузиной показалось, что она заговорщицки ей подмигнула.

Наверное, показалось, - подумала Маруся, - с какой стати ей мне подмигивать, намекать, что одобряет мои неслужебные отношения с молодым коллегой... Давай, Кольцов, действуй,- вспомнились ей слова из новогодней комедии «Карнавальная ночь». – Давай, Кузина, что-то делай! Отшивай, уходи, не стой столбом. Не ровен час, сплетни пойдут по предприятию, затем разлетятся по всему жилому микрорайону, достигнут ушей кандидата технических наук, без пяти минут доктора. И тогда он точно с угрозой протянет: «Здрате, приехали». Удивила, так удивила, любимая и преданная жена. И доказывай потом, что между вами ничего нет, что злые языки болтают, что ты его в упор не видишь, что этому якобы любовнику

самое время ходить в старшую группу детского сада... Как в анекдоте: «Ложки нашлись, но неприятный осадок остался». Жорик поверил ее оправданиям, но сомнения в душу закрались.

Неожиданно для себя Маруся мысленно обозвала Волнову старой сводней, хотя, всегда относилась к ней с почтением. Неожиданные вопросы Кузиной, редко расстающейся со своей стеснительностью, никогда не казались Нелли Павловне глупыми. Она терпеливо консультировала, одаривала идеями. Молодая конструкторша, без зазрения совести, присваивала чужие идеи, и заслуживала похвалу босса.

Даже смакование фанатичной бабушкой избитой темы любимых внуков Марусю не раздражало. А вот подмигивание прямо-таки взбесило. И было ли подмигивание? Может быть, это нервный тик, случившийся на почве сегодняшней убийственной новости. Как бы коллеги не относились к языкатой Таракановой, им было искренне ее жаль...

- Так ты заметила? – ворвался в ее осуждающе-оправдательные размышления Денис. Видимо, вопрос был озвучен несколько раз, поэтому ему пришлось коснуться женской руки и слегка ее сжать.

- Полегче на поворотах, - с недовольством буркнула Маруся и стряхнула мужскую руку со своей руки. Она оглянулась назад, чтобы убедиться, что Волнова не бред ее воображения, что минуту назад она прошла мимо. – Денис, тебе не показалось, что у Нелли Павловны... что-то с лицом? Или я ошибаюсь?

- Ты о чем?

- А ты о чем?

- О причине моего хорошего настроения, - подсказал Бледнов.

- Во время чумы, - дополнила Маруся.

- Что ж нам теперь ложиться и помирать, - нахмурился молодой человек, спиной прижимаясь к закрытой двери, перекрывая Кузиной проход в кабинет. – Согласись, без княжны стало легче дышать. Будто выбросили дурно пахнущий пакет с мусором.

- А не ты ли его выбросил? – пристально поглядывая на Дениса, поинтересовалась сыщица.
- Делать мне больше нечего, как убивать старушек, которые через год-другой сами скопытятся.
- Кто его знает, когда они скопытятся. Успеют открыть глаза многим и на многое, - философски рассудила Кузина. – Времени для откровений у них предостаточно. Такие типажи, как Тараканова, живут долго, другим людям портят нервную систему, а сами спокойны, как удавы. Почему у людей проблемы со здоровьем? Потому что вся жизнь – сплошной стресс. У Таракановой не было причины стрессовать: ни тебе семьи, ни детей. Не за кого переживать. С негативом, раздражением поступала просто - выливала на нас. Мы страдали от ее язвительных уколов, а ей наши страдания только в кайф.
- Довыливалась, - выдохнул Бледнов. – Не подумала старая гримза, что зло рано или поздно возвращается. Бумеранг. Круговорот гадостей в природе.
- Денис, признайся, это не ты её кокнул? Если это сделал ты, то я никому не скажу, честно слово! И не только не скажу, но подтверждаю твое алиби.
- Скажешь, что весь вечер я провел с тобой? – без тени наглого намека спросил он.
- Скажу, что провел вечер в кругу моей семьи, - нашлась Маруся. – И мой муж это подтвердит.
- А твой муж не заинтересуется причиной такого ко мне расположения?
- Он... мне доверяет, - с сомнением в голосе произнесла Кузина.
- Мне никакие алиби не нужны, я не убивал Тараканову! – честно глядя ей в глаза, признался Бледнов. – И ее грязные намеки накануне я не воспринял всерьез. Надеюсь, никто и вас – тоже.
- Но она зачем-то вбросила фразу о... Конечно, это наглая ложь, но желание затронуть скользкую тему у нее почему-то возникло. Не припомню, чтобы вчера ты ее чем-то обидел. Только обидой можно объяснить ее намеки. Не с бухты-баряхты ее понесло в ненужном направлении.

- Не с бухты-барухты, - пространно подтвердил парень. Мария взирала на него с недоверием, сложив колечком руки на груди. – Причина в тебе, - еле слышно признался он. – Княжна, впрочем, как и все остальные, заметила, что я... выделяю тебя среди других женщин. Одна ты не замечала. Или делала вид?

- Не замечала, - пошевелила губами Кузина. Ей давно никто не признавался, пусть не в любви, в интересе. Муж произносил слова любви на ходу, между прочим. Будто это не выражение чувств словами, а напоминание о чем-то незначительном, которое адресовано ей, супруге. Чтобы она, супруга, не «ходила в чужой огород», потому что ее здесь любят. Здесь всё ясно и понятно, без сюрпризов, приветов. Здесь обосновалась правда, спокойная, добрая, пусть ограничена в эмоциях. А там, в чужом огороде, еще неизвестно, как все будет. Может быть, на чужом огороде произрастает одна ложь с цветами придуманного счастья. Там все ненастоящее, не всамделишное. Мираж. А ты хочешь чего-то незаурядного, наполненного до краев новыми ощущениями, мечтаешь о яркой любви, потому и покупаешься на мираж.

- А вчера...

Маруся чуть не подпрыгнула, словно уже услышала жесткую новость о своем некрасивом поведении, которое быстро улетучилось из головы.

- Можно подумать, вчера мы с тобой уединились, чтобы заняться... черт знает чем, а княжна прознала, и попыталась унижить, - протараторила Маруся. Молодой коллега осуждающе поглядывал на нее, словно она являлась инициатором «черт знает чего», а он усиленно отбрыкивался, но в результате сдался под ее напором. Марусе стало неуютно под его взглядом.

- Денис, я адекватно себя вела во время танцев? – напряженным голосом спросила она.

- Как монашка, - хмуро заметил Бледнов. Когда речь шла о покойной Таракановой, он так не печалился.

- Со стороны виднее. Допустим, она что-то увидела и додумала. Ограничилась тобой, до меня очередь не дошла. Или не захотела лишать себя маленьких радостей, которых завтра может и не быть. Решила

перемести междусобойчик на следующий день. Не получилось. Но мы с тобой ей не помешали? – с вопросительными интонациями произнесла Кузина, словно сомневалась. Не в себе, в своем визави, который отчаянно пытался перевести разговор на личные темы.

- Мы, нет, - боднул головой воздух влюбленный парень.

- Тогда кто? Кому была выгодна смерть Инги Генриховны Таракановой? Кто хотел закрыть ей рот? Что она узнала такого необычного и опасного?

- Вчера мы с тобой танцевали, - монотонно заговорил Денис, восстанавливая события вчерашнего вечера. Так казалось Марусе. Но он пожирал ее глазами, что являлось доказательством того, что его мысли далеки от убийства, в котором его могут подозревать. – Вчера... был чудесный вечер. Ты... ты смотрела на меня по-особенному.

- Иван Васильевич, когда вы говорите, мне кажется, что вы бредите, - высказалась Кузина, позаимствовав реплику у актера Александра Демьяненко в роли инженера Тимофеева.

- Мне так показалось, - начал оправдываться несостоявшийся любовник. – Наверное, не только мне, раз полоумная княжна лягнула о моей неправильной сексуальной ориентации. Хотела убить на корню твой интерес ко мне.

- Не было никакого интереса!

- Сейчас ты скажешь, что счастлива в браке.

- Ты сам всё знаешь.

- Знаю, но надежды рыцарей питают.

- Слушай, рыцарь, мне надо знать одно – ты или не ты?

- Я уже сказал – не я. Могу повторить столько раз, сколько потребуется. Не стал бы убивать старую женщину, даже имея вескую причину. Сидеть в тюрьме нет никакого желания. У меня много планов, которые я намерен осуществить.

Денис слишком откровенно пялился на Марусю, что заметила Нелли Павловна, и непроизвольно сбавила шаг, потом и вовсе остановилась, чтобы не мешать их разговору. Было понятно, что диалог не ограничен служебными рамками. Кузина стояла к Волновой спиной, поэтому не видела ее. Как бы Денис не был сосредоточен на объекте своей страсти, он заметил Волнову. Прихватил Марусю за локоть, отодвинул в сторону и услужливо распахнул дверь конструкторского бюро.

- Благодарю, - кивнула Нелли Павловна, и проскользнула в кабинет. Кузина старалась на нее не смотреть. Еще одно подмигивание она бы не оставила без комментариев.

- Пусть твои планы на будущее останутся при тебе, - опередила Маруся Дениса, который вознамерился продолжить свои признания.

- Не подхожу по всем статьям?

- Причем здесь подхожу-не подхожу. Если хочешь, чтобы мечта сбылась, лучше ее не озвучивать, - полушутливо заметила она.

- Сегодня одна моя мечта сбылась - я обыграл нашего признанного чемпиона по шахматам, Агеева, - похвалился Бледнов.

- Этого румяного дылду, что ли? Его фамилия Агеев?

- У этой дылды котелок варит будь здоров! Он всегда всех в шахматы обыгрывает. Но сегодня не его день. Видела, какое у него лицо было?

- Видела. Но скажу честно – он мне несимпатичен. Что-то в нем есть неприятное. Надменность, наверное. Постоянно нос задирает.

- А тебе хотелось, чтобы он ходил за тобой по пятам?

- Дурачина, ты простофиля!

- Согласен. На Агеева тебе плевать, ты другим мужчиной увлечена.

- Конечно, другим, своим мужем. Давно и навсегда.

- Речь не о муже, а о Панченко. Вы с ним постоянно шушукаетесь, ты ему глазки строишь, он тебе конфетки подсовывает.

- Тебе какое дело до наших шушуканий?
- Мне-то дело есть. Я тебе честно признался, что к убийству княжны не причастен. Теперь твоя очередь...
- Я тоже не убивала княжну, но руки чесались, не скрою.
- Я о Панченко... Ты в него влюбилась? Постоянно о нем говоришь. Даже в медпункт за ним побежала.
- Влюбилась, влюбилась, - задумчиво пробормотала Маруся, «успокоив» своего поклонника. – Он тоже сегодня играл в шахматы? И выглядел, как ни в чем не бывало?
- Нет, был смертельно бледен и рассеян. Но взял себя в руки, чтобы написать прощальное письмо. После чего вручил его мне для передачи адресату. Тебе. А сам взял веревку, мыло...
- Денис! Я с тобой серьезно, а ты...
- Я сама серьезность. У меня нет повода для веселья. Одна девушка, которую я боготворю, любит другого мужчину, по моему мнению, неподходящего ей по всем показателям.
- Что-то ты сегодня на себя не похож. Фонтанируешь признаниями. Осмелел? С чего вдруг?
- Шпиона больше нет, можно не бояться за твою репутацию.
- Неужели у других людей глаз нет, и язык короткий?
- Есть и глаза, и уши, и говорить умеют. Но больше своими делами озабочены. Возьми, к примеру, Панченко. Зачем ему чужая жизнь, если своя бурлит и процветает. Не всем это нравится.
- Это намек? Зря. Не только у Агеева котелок варит, у нашего Панченко тоже мозги в порядке. Не будет он убивать княжну, даже если у него на то были чрезвычайно веские причины. Он первый, кто попадает под подозрение. И не в этом дело - Владимир Иванович не способен на убийство.
- А я, значит, способен, с меня ты потребовала признаний!

- Но я тебе поверила. Считаю меня доверчивой дурочкой. И теперь рассчитываю на твою помощь в расследовании. Хочу найти убийцу Таракановой.

- Зачем тебе это? – резонно спросил Бледнов.

- Сама не знаю, - солгала Маруся. Она не могла рассказать о причинах, побудивших ее заняться поиском убийцы. И не потому, что щадила чувства влюбленного человека, ревностно относившегося к ее супругу. Сама еще не разобралась в мотивах своего поведения. Все-таки что-то ее беспокоило.

- Странный порыв, учитывая ваши непростые отношения с Таракановой. Или ты боишься, что следователь начнет тебя подозревать? Зря боишься. Он выглядит полной флегмой, но глаз у него наметан.

Вот что меня беспокоит – я поймала на себе подозрительно-презрительный взгляд Антошкина, и решила, что ему что-то обо мне напели, - подумала Маруся. - Это не взгляд, это стрела, начиненная вирусом правды... Что я наболтала этому Антошкину? Кажется, ничего лишнего не рассказала. Черт побери! Я обязана найти настоящего убийцу...

- Денис, ты мне поможешь?

- Не задавай глупых вопросов, - подобрался Бледнов.

- Для начала я хочу переговорить с Панченко, - заговорщицким тоном сообщила Маруся. Мимо спешным шагом шли припозднившиеся с обеда сотрудники предприятия, поэтому она говорила о первоочередных планах очень тихо.

- Я с тобой, - подобрался Денис.

- Нет, я хочу поговорить с ним наедине, хочется верить, что наедине он будет более откровенным.

- Если что, кричи, - совершенно серьезно предложил парень, а Маруся задумалась о правильности своего выбора. – Нет, ну, правда. Мало ли что.

- Что, мало ли что, - процедила сквозь зубы сыщица. – Думаешь, что говоришь.

- Маша, если Панченко до фига лет, это не значит, что он богатырской силушкой обделен. Или ни на что неспособен, - замысловато высказался молодой человек, более осведомленный о бурной жизни завхоза, чем Кузина, которой по половой принадлежности положено знать больше.

- Такое чувство, что я отделена от всех высокой китайской стеной.

- Это твой выбор...

Мария Кузина решила дожидаться Панченко возле дверей конструкторского бюро, чтобы не пропустить. Кто-то перехватит его по дороге, и разборка кульмана отложится на неопределенный срок. И бегай потом, ищи его по всем этажам. Маруся вознамерилась обстоятельно поговорить с Владимиром Ивановичем, и так без толку прошла половина дня.

Панченко не заставил себя долго ждать. Он вывернул из-за угла в гордом одиночестве, всем видом выказывая свою занятость. Даже рукава синего рабочего халата были подвернуты до локтей, подтверждая полную готовность. Завидев Кузину, лицо немолодого мужчины смягчилось, складка между бровей разгладилась.

- Машенька, что-то случилось? – вкрадчивым голосом спросил он, подхватывая ее под руку.

Машенька запомнила, что у них с Панченко сложились по отечески-дочерние отношения, что он постоянно ее обнимал, целовал в щечку, поправлял сбившиеся волосы. Маруся не билась в припадке от таких прикосновений. Но это было раньше. Теперь эти легкие прикосновения квалифицировались ею, как наглое приставание, переходящее границы дозволенного. Но приходилось терпеть, чтобы расположить к себе мужчину, переставшего быть пожилым и по-отечески заботливым. Мужская рука на сгибе локтя прожгла дыру, но Маруся не только не извивалась от боли, но еще и глупо скалилась. Так было нужно для дела. Ирка потребовала установить контакт. Она несколько перефразировала задачу, предложила пококчетничать, вспомнить, что Кузина привлекательная женщина, и тогда мужчины к ней потянутся. Кузина не желала, чтобы к ней тянулись мужчины. Тем более такие, как ловелас Панченко. За один день столько открытий!

- Случилось, - выдохнула Маруся в ответ и двинулась по коридору, подальше от дверей конструкторского бюро, чтобы их беседе никто не помешал. Бледнов обязательно вылезет из кабинета для контроля.

Рука завхоза сползла с локтевого сгиба, и переключалась в карман рабочего халата, что успокоило женщину, но мысли почему-то запутались. Еще пять минут назад она знала, как начнет разговор, теперь медленно шла по коридору и усиленно сочиняла вступление.

– Владимир Иванович, - произнесла она, непроизвольно повторяя интонации товарища Сухова из «Белого солнца пустыни», когда он обращался к женщинам Востока. В голосе явно читалось осуждение.

- Не переживай, кульман я сегодня добыю, - успокоил ее Панченко, опередив продолжение.

- Не в кульмане дело, - раздражаясь, сказала Маруся. Остановилась и встала лицом к лицу. – Дело в вас, уважаемый Владимир Иванович!

- Интригующее начало. Продолжай.

- Я вас ищу с самого утра. Ходила за вами в медпункт, не застала, потом оббегала всё здание. И не говорите мне, что занимались кульманом Таракановой. Кульманом вы занимались минут десять перед самым перерывом. Где вы были? – делая паузы между словами, начальственно потребовала дать четкий ответ Кузина.

- Я уж не упомню, где был. Я всем нужен, - без особой радости сообщил завхоз. Он смотрел на Марусю своими лучистыми глазами с едва заметной грустью. Прядь волос упала ему на лоб, и Маша, не отдавая себе отчета, убрала прядь со лба. Густой шевелюре с легкой сединой мог позавидовать любой мужчина в расцвете лет.

- Знаю я, кому вы потребовались, - многозначительно брякнула Маруся.

– Осуждаешь? – без намека на испуг спросил догадливый Панченко.

Правильно Ирка меня приложила – я дура стоеросовая, - подумала Кузина. - Называется, установила контакт. Зачем на него набросилась? Захотелось разобрать его личное дело, не отходя от кассы? Неужели так

сложно забыть о его похождениях, и перейти к главному?! Всего лишь обязана была спросить, что они делали вчера вечером с Таракановой... Какая-то двусмысленность в вопросе...

- Кто я такая, чтобы вас осуждать, - проблеяла Кузина, озвучив одну из своих сбивчивых мыслей. И понеслась расшаркиваться - устанавливать разрушенный мостик контакта. – Мне нет никакого дела, чем... вы занимаетесь в рабочее время. Я не начальник... Я для вас, вообще, никто. Не жена, не дочь.

Да, Кузина, из тебя сыщик, как из рубщика мяса вышивальщица гладью. Куда ты лезешь? Что пытаешься доказать? Занимайся тем, чему тебя учили в университете... А если не хочется, что тогда? Не хочется, увольняйся и сиди дома, вари мужу борщи. Не умеешь? Научись. Пора бы уже. Ты, Кузина, вообще, ни на что неспособна! Ни борщ сварить, ни поразить гениальной идеей шефа, ни элементарно разговор поддержать. Чего ты онемела? Чего пялишься на него, как судья на закоренелого преступника. Какое имеешь право кого-то перевоспитывать, тем более, человека в два раза старше тебя. Что ты о нем знаешь, кроме того, что у него руки золотые, и котелок исправно варит. Кто тебя интересует, кроме себя любимой. Эгоистка и нытик. Вот ты кто!

- Машенька, ты сегодня на себя не похожа, - душевно пропел Панченко и сунул ей в руку шоколадную конфету-трюфель.

- Спасибо, - вежливо поблагодарила взрослая девочка. Развернула обертку и отправила конфету в рот.

- Вот и хорошо, - во весь рот улыбнулся мужчина, выражая вселенское счастье, словно на его глазах произошло волшебное исцеление больного человека, потерявшего всякую надежду. – Мир?

- Мир, - с набитым ртом согласилась Маруся. – Я не об этом хотела с вами поговорить... - Собралась с духом и выпалила, - Владимир Иванович, у меня к вам серьезный разговор.

- Если серьезный, то пошли в мою каморку. Там нам никто не помешает.

В каморку Кузиной идти не хотелось по известной причине.

- Давайте здесь поговорим. Только к окну отойдем.... Владимир Иванович, я хочу узнать, о чем вы разговаривали с Таракановой?

Панченко не задал встречных вопросов – спрашивает, значит, ей нужно знать.

- Молодость вспоминали. Мы ведь сто лет знакомы... Знаю, какой вопрос готов сорваться с языка... Было дело... Но давным-давно.

- О Денисе говорили?

- Ни слова. Инга сразу отрезвела, когда мы вышли из проходной. Уговорила меня прогуляться. Погода хорошая была, тепло, тихо. Мы прошли вдоль заводского забора, потом мимо детского сада, посидели на скамейке, потом я проводил ее до подъезда. Мне показалось, что ее что-то тяготит. Только что веселилась, как сумасшедшая, и вдруг пустилась в ностальгические воспоминания. Светлые, чистые. Душевно мы с ней поговорили. Она даже пустила слезу по ушедшей молодости. Никогда я ее такой не видел, куда подевалась стержность. У подъезда долго прощалась со мной, извинялась.

- Предчувствовала свою смерть?

- Не знаю. Я решил, что она решила уволиться. Рано или поздно это должно было произойти. Надо давать дорогу молодым. Я это понимаю... Как понимаю, что с уходом на пенсию превращусь в старую развалину. Внутренний стержень вырвут изнутри и обменяют на трудовую книжку с множеством благодарностей, - загрустил пожилой мужчина.

- И вы не попытались узнать, что с ней происходит? - Грустные признания завхоза Маруся оставила за скобками.

- Не думаю, что она сказала бы мне правду. Разозлилась, это да. Я не хотел нарушать трогательную идиллию. Уж не упомяну, когда в последний раз так приятно проводил время.... Маш, не смотри на меня с таким укором! Я не в том смысле.

- Кто бы спорил, - нахмурилась вздорная особа.

- Вот зловредина! Я тебя люблю, как родную дочь, потому и позволяю больше, чем другим.

- Родная дочь почему-то узнает об отце... кое-что позже чужих людей.

- Во-первых, родители не говорят с детьми на эту щепетильную тему, во-вторых, сама виновата. Закрылась от всех на семь замков.

- Только не заводите разговор о Денисе! Это его проблемы. Не мои. Внушил себе, что влюблен. Как влюбился, так и разлюбит.

- А если у него это навсегда?

- Чего вы от меня хотите? Чтобы я с мужем рассталась и сошлась с Бледновым? Пожалела его, иначе бедный мальчик умрет от безответной любви.

- Умная девушка, а мелешь чушь.

- Не такая я и умная.

- Ты дай ему понять, что у него нет шансов. Он попыхтит, попыхтит, пострадает, пострадает, и отстанет.

- Ну, вы даете? Кто-нибудь бы вас услышал, и подумал, что я держу Бледнова на коротком поводке, на всякий пожарный случай. Вдруг муж отчалит в жаркие страны, а у меня уже есть утешительная замена.

- Под жаркими странами ты подразумеваешь темпераментную женщину? – уточнил Панченко.

Маруся живо представила обожаемого мужа в компании зажигательной мулатки, исполняющей ритмичный танец. На его лице нет ни привычного удивления, ни безразличия. Он подергивается в такт ритмичной музыки и пытается ухватить мулатку за талию. Глаза пылают страстью, грудь ходит ходуном, по виску стекает струйка пота... Ни разу в жизни Кузина не то, что не видела мужа таким бешено-озабоченным, она таким его никогда не представляла.

- А вы... что-то знаете? – прохрипела Мария, мечтая зарыться под подушку, спрятаться под толстым одеялом, чтобы не услышать ответа. Зачем тогда

спрашивала? Ей нужна правда, чтобы сориентироваться и произвести перемены в своей жизни. Если получится. Маруся способна на домашние возмущения, не более того. Она не революционерка, она маленькая девочка, маленькая принцесска, которую любят, которую жалеют, говорят слова утешения. И она всё это принимает. И верит.

Панченко был прав: забота Дениса Бледнова ей нравится. Он ее паж, готовый исполнить любое желание. Как же обойтись без пажа маленькой принцесске. Но паж не должен говорить о своих чувствах своей повелительнице.

Она держит его на коротком поводке, лишая его собственных желаний. Чтобы удержать, приходится подкармливать задушевными беседами без определенной тематики. Просто философствует. А он поддакивает. Он счастлив, что она сошла с трона, стала с ним на одну ступень. Но ему нельзя забывать свое место. Сегодня он забыл свое место. И это Марусю беспокоит.

- Ты опять только о себе думаешь, - резюмировал Панченко, не дав конкретный ответ на вопрос.

- Почему о себе, я о муже спросила.

- О себе, о себе. Его измена это удар по твоему самолюбию. Ты не будешь спрашивать, почему он заинтересовался другой женщиной. Это вопрос влечет за собой копание в себе. По твоему мнению – ты безупречна. Значит, и вины на тебе нет. Виновен муж, виновна любовница.

- Значит, любовница существует. А я... закрылась на семь замков и не пускаю к себе почтальона с печальной вестью. Мне так комфортно, меня все устраивает... Слышите, устраивает! - взорвалась она, расставшись с безразличной монотонностью. – Все считают, что я засиделась в детстве. Знаете, почему? Меня любили и любят родители, я единственный ребенок в семье. Меня обожает муж, он меня нянчит, балует. Перенял эстафету у мамы с папой. Что плохого, когда человеку нравится, что его любят? Я не имею справляться с проблемами, но это дело наживное.

- Устраивает? На здоровье. Одно не пойму, почему ты такая напряженная? Нет в тебе радости, Машенька. Живешь, как будто мучаешься. Знаю, у тебя все хорошо. И на работе все в порядке. Ты стараешься, шеф тебя уважает,

продвигает. Деток пока нет, но это временно. Будут детки, ты сразу повзрослеешь...

- Не надо...

- Извини... Девочка моя, пора бы уже выйти на свет Божий из своего заточения...

- Пора бы откинуться. – Маруся с трудом сдерживала слезы, но делала вид, что ей весело.

- Эх, эх, эх, молодежь! А ей про Фому, она мне про Ерему... Твой муж перенял эстафету у родителей, я – у Таракановой.

- Владимир Иванович, а вы свою жену любите? – спросила Маруся совсем не то, что рассчитывал услышать Панченко. Он ждал уточнений по поводу передачи эстафеты у Таракановой.

- Наверное, какое-то чувство к ней осталось. Не любовь, это точно. Хочу тебе признаться: женился я без любви. Так сложилось, в тонкости вдаваться не буду, ни к чему это. Если бы любил, не позволял себе вольностей... Некоторое время назад встретил женщину. Встретил и полюбил. И от жены уйти не смог, все-таки сорок лет вместе прожили, и с ней порвать сил не нашлось. Так и мучаемся все. Делаем вид, что нас это устраивает. Случилась бы любовь в молодости или хотя лет двадцать назад, без раздумья развелся. В старости на отчаянные поступки трудно решиться. Понимаешь, что счастье к тебе запоздало. Потому и радости особой не испытываешь. Глядя со своей колокольни, говорю тебе, дочка, надо все успеть вовремя.

- Не всегда всё зависит от нас. Вы – пример тому.

- Кто его знает.

- Владимир Иванович, вы врачиху нашу любите?

- Не веришь, что можно любить в мои годы? А вот люблю... Заболтали мы с тобой, пошли работать.

- Вот еще! О самом главном я не спросила. Владимир Иванович, вы не заметили ничего подозрительного во дворе дома, когда провожали Тараканову?

- Мы с ней в одном доме живем, в соседних подъездах, всех знаем от мала до велика. Дом-то заводской. Вечером всё было, как обычно. На детской площадке мамочки с детворой гуляли... Что еще? В нашем доме живет участник Отечественной войны, ему положено иметь гараж рядом с домом. Ворота были распахнуты, старик сидел на табурете, а его внук возился с «Жигулем», который дед получил от государства на шестидесятипятилетие Победы. Гараж был ярко освещен, свет падал наружу... В пятне света дворняга сидела и внимательно наблюдала за всем происходящим. Смешная такая собаченция, черного окраса, с лохматыми ушами.

- Мне бы про людей, - направила Маруся мужчину в нужное русло.

- Я почему про гараж заговорил, мне показалось, что кто-то притаился за распахнутой створкой гаражных ворот. То ли тень мелькнула, не могу сказать. Но человека я не видел. Но там точно кто-то стоял.

- Стоял и наблюдал за вашим прощанием. В котором часу это было?

- В восемь, в полдевятого. Где-то так.

- Ни фига себе вы погуляли. Мы разошлись около шести.

- Погуляли и не заметили, как время пробежало.

- Вы должны были увидеть, что полиции полно понаехало, и скорая, наверное. Неужели не слышали-не видели?

- Не видел и не слышал. Пришел домой, принял душ и сел перед телевизором. Жена растолкала и приказала идти в спальню. Я лег и уснул. Я всегда крепко сплю.

- А жена?

- Она тоже легла спать. Наша спальня выходит окнами на другую сторону, поэтому никакие шумы не долетели. Узнал о случившемся только утром. Соседки во дворе судачили. Я сначала прошел мимо, решил, что они кому-

то кости по привычке перемывают, но они меня остановили... Рассказали... Вот как бывает...

- Не могу покривить душой и сказать, что мы с Ингой Генриховной жить друг без друга не могли, но мне искренне жаль, что всё так вышло.

- Конечно, жаль, человек все же. А то, что тебе от Инги доставалось больше других, это сущая правда. Ей нравилось тебя терроризировать. Ты пыталась дать отпор, но разве Ингу остановишь. Я ей сколько раз говорил, оставь девчонку в покое, чего ты к ней привязалась.

- А она?

- Не поверишь, говорит, она мне нравится. Хочу ее закалить. А то она слишком мягкая, пластилиновая... Потому и сказал об эстафете. Теперь я несу за тебя ответственность.

- Я ей нравилась? – опешила Кузина. – Никогда бы не поверила. Врала, наверное.

- Нет, правду говорила. Уж я-то знаю, когда она врала.

- Например.

- Например, вчера на гулянке, когда ляпнула про Дениса. Не спрашивай, ничего тебе не скажу, мы к этой теме не возвращались.

- Денис сказал, что Тараканова заметила его интерес ко мне и решила убить взаимную симпатию на корню. Сами знаете, что мне, кроме мужа, никто не нужен.

- Дениска парень хороший, но не твоего поля ягода. Пацан еще, ветер в голове гуляет.

- Вчера обо мне разговор заводили?

- Инга завела. Говорит, наша Маруся смеется, а глаза грустные. Того и гляди, расплачется. На чужие шутки реагирует невпопад, будто и не слышит. Когда все начинают смеяться, она отстает по времени. Что у нее происходит? Ты бы поговорил с ней, Володя.

- Может быть, до меня доходит, как до жирафа.

- Понятно, что тебе ничего не понятно.
- Владимир Иванович, больше вам нечего мне сказать о вчерашнем вечере?
– официальным тоном спросила Кузина.
- Всё сказал.
- Я тут с Денисом поговорила... Он поклялся, что не убивал... Я ему поверила. Я доверчивая лохушка?
- Не понимаю, как ты, вообще, могла на него подумать. Конечно, это сделал не он.
- А что ваши дворовые кумушки еще говорили?
- К утру новость об убийстве Инги обросла несуществующими подробностями. Теперь разберись, где правда, где вымысел.
- Волнова говорила, что княжну ударили по голове тяжелым предметом.
- Это Волнова так сказала?
- Сама я не слышала, мне Дуся Кабачкова доложила.
- А больше она тебе ничего не доложила?
- Больше ничего. Волнова только этими сведениями поделилась. А что?
- Кто-то наплел следователю, что с тобой у погибшей были постоянные стычки, ты ее на дух не переносила. Я сам догадался, слишком он тобой интересовался.
- И кто же это у нас стукачок? Неужели Нелли Павловна Волнова? А следователь Антошкин, в благодарность за откровение, поделился с ней тайной следствия. И что это значит? Что наша Нелличка замаралась в этом деле. Чтобы отвести от себя подозрение, наговорила обо мне разных гадостей.
- Попридержись с выводами, скорострелка. Эка куда хватила! Нелька убила Ингу! Она паука не раздавит, не то, чтобы человека убить.
- Согласна. Я погорячилась. И зачем ей убивать княжну? У Волновой нет темных пятен в прошлом, ей нечего бояться. Правильно?

- Если ты, Машенька, хочешь узнать, была ли она моей любовницей, то я отвечу: нет, не была. Честное пенсионерское!
- И вы за ней не пытались ухаживать?
- Куда мне против...
- Договаривайте, - великодушно разрешила Кузина. – Ее любовником был Моисей Михаэлевич Новляндский, наш Пророк?
- Не я это сказал. Но это всё дела давно минувших дней. Инга была в курсе дела, как и многие из нас, но никто эту тему не муссировал. И не потому, что Моисей подавал большие надежды и метил в кресло гендиректора, он в то время был на подступах в вершине местной власти.
- А почему?
- Все были наслышаны о вздорном характере супруга Инги. Она скрывала, но шила в мешке не утаишь. Он ее поколачивал без причины, а за измену мог убить. Инга ее жалела.
- Хороша семейка, ничего не скажешь. Как можно на жену руку поднять? И почему Нелли от него не ушла?
- Кто его знает, почему она терпела его побои. Ни одного худого слова о нем никогда не сказала. Всегда им восхищалась.
- Может быть, не хотела лишать детей отца?
- Маша, зачем возвращаться к тому, что случилось «до нашей эры». Все давно быльем поросло.
  - Да, к делу Таракановой это не имеет никакого отношения. Как же мне узнать, кто на меня настучал Антошкину?
- Зря наговаривать не буду.
- А поделиться своими соображениями?
- Нельку исключаю, она не сплетница. Ищи того, кому это выгодно.
- Я тоже подумала, что надо искать того, кому выгодна смерть Инги Генриховны.

- Верно.

- Ну, и народец в нашем бюро. С виду все приличные люди, а одного убили, другого подставили, - возмутилась Кузина. Эмоции ее переполняли. Причина крылась не в стукачестве, а в том, что ей наговорил добрый дядя завхоз, решивший стать ее наставником на путь истинный...

Миновав проходную. Маруся сразу натолкнулась взглядом на упитанную ворону, которая презрительно каркнула, выронив из клюва кусок хлеба.

- Так тебе и надо, - в сердцах заключила Кузина. – Раскаркалась она тут! Без тебя тошно.

Сзади ее кто-то окликнул. Естественно, это был Бледнов.

- Денис, тебе направо, мне налево, - быстро расправилась она с ним, не услышав от него ни одного слова, только собственное имя. Денис утвердительно кивнул и пошел в указанном направлении.

Их любимое с Ирккой кафе располагалось в трех кварталах от предприятия. Но Маша тянулась долго, собирая полученные за день скудные сведения в одну кучу.

Ирина ждала ее за дальним столиком у окна. Маруся вошла в кафе с видом председателя комиссии, готового к раскрытию должностных преступлений. Ирина даже поежилась от ее вида.

Кузина бросила сумку на стул, но сама не села, уперлась руками на спинку стула и собралась озвучить важное правительственное сообщение, но подруга ее опередила.

- Что с лицом?

- Кажется, кто-то очень хочет повесить на меня убийство княжны.

- Ты уже знаешь?

- Блин, я не ошиблась. Антошкин тебе это подтвердил! И кто в нашем коллективе засланный казачок?

- А этого мне Димка не сказал.
- Что он тебе сказал?
- Не злись. Сядь, успокойся, выпей чаю с тортиком. А пока ты будешь набивать свой крохотный желудок, я тебе расскажу, что удалось вытянуть из Дмитрия. Он заинтересовался, почему я спрашиваю о деталях этого преступления. Пришлось признаться, что я дружу с тобой.
- Я сама тебе это посоветовала.
- Естественно! Разве я бы догадалась!
- Не умничай! У меня и без тебя настроение хуже некуда. Панченко заявил, что я закрылась на семь замков и носа не кажу. Почему? Потому что я несчастлива. Боюсь получить подтверждение, вот и... Своего рода страусиная политика. Обвинил меня в том, что я... что меня... балуют, - всхлипнула Маруся. – Видите ли, я избалованная, залюбленная. Как может избалованная и залюбленная быть несчастной, скажи мне, пожалуйста? И что в этом плохого? Лучше, если бы тебя все ненавидели? Тогда я понимаю – несчастная.
- Не реви.
- Я и не реву, с чего ты взяла, - прогундосила Кузина и шмыгнула носом.
- Маруся, попей водички, успокойся. – Ирина придвинула в ней стакан минералки без газа.
- Еще конфетку мне предложи. Скушай девочка, конфеточку, жизнь и наладится, - просюсюкала Маруся.
- Какой-то старый дурак что-то ляпнул, а ты к сердцу близко приняла.
- Как маленькая девочка может принять близко к сердцу?! У нее мозгов с гулькин нос.
- Может, хватит уже? Заладила одно и то же.
- Потому что меня это слова зацепили за живое. Потому что он прав. Первый раз мне сказали правду в лоб! В то все расхваливают и расхваливают, говорят о моей особенности.

- А казалось, что у тебя одна нога и три руки. А ты, бедная-несчастливая, сама этого не заметила. Тридцать два года живешь на свете и как-то обходилась... с одной ногой. И с тремя руками.

- А король-то голый, - ни с того, ни с сего лягнула Кузина, вспомнил сказку Андерсена «Новое платье короля». Подперла подбородок кулаком, вздохнула, выражая вселенскую печаль, после чего заключила, – княжна, как оказалось, была права...

- В чем?

- Какая разница. Княжны уже нет. Свою миссию она не выполнила, передала эстафету Панченко. Вряд ли ему удастся вырастить кактус из вялого ростка непонятного происхождения.

- Ты хочешь, чтобы тебя пожалели?

- Не хочу! Все только и делают, что жалеют. Можно подумать, я убогая какая-то. Я не убогая, я нормальный человек.

- Кто бы спорил... Перейдем к делу. Новости есть?

- Весьма скудные. Надеюсь, Антошкин с тобой был более откровенным, чем с коллегами убитой.

- О чем народ шепчется?

- Одна из наших старейшин, Нелли Павловна Волнова...

- Это ваша вязальщица, что ли?

- Она. Сказала, что княжну убили ударом тяжелого предмета по голове. Когда я сказала об этом Панченко, он широко открыл глаза. Думаю, он больше знает, чем Волнова. Зачем она ЭТО сказала? Откуда узнала? Антошкин поделился или родилось в больном воображении? Но у нее крыша всегда была на месте. Значит, Антошкин. Почему выделил именно ее?

- Ты права, ей Антошкин рассказал. Так сказать, вбросил в народ ложную версию. Какую цель преследовал, понятия не имею. Может быть, она

вцепилась в него мертвой хваткой, он и «разоткровенничался». Правду из Димки клещами не вытянешь.

- А на самом деле, как убили Тараканову?

- А на самом деле сделали смертельную инъекцию. Названия препарата не знаю, а если бы и знала, не запомнила. У меня с названиями лекарств большая проблема. Тщательно записываю на бумажку всё, что надо купить в аптеке.

- Я в курсе. Что дальше?

- В общем, вкололи ей какую-то гадость, когда она дверь открыла...

- Значит, ей позвонили, она открыла дверь, гость с порог воткнул в тело шприц...

- Да, и ее сразу парализовало, а через некоторое время наступила смерть. Это такое действие у препарата неизвестного происхождения.

- Мне по барабану, как он называется. Могу с уверенностью сказать – гость был ей знаком. И он разбирается в лекарственных препаратах.

- Или ему кто-то подсказал.

- И помог приобрести. Не думаю, что этой яд продают без рецепта.

- Марусенция, ты молодец! Надо узнать, у кого из твоих коллег родственники имеют отношение к медицине или фармацевтике.

- Или у кого дома есть больной человек. Мы же не в курсе, какие у данного препарата свойства. Вдруг он здорового калечит, а больного лечит?

- Ты сегодня блещешь умом, подружка! – в очередной раз восхитилась Ирина.

- Ирка, Антошкин не говорил, из квартиры ничего не пропало?

- Сказал, что там и брать-то нечего. Беднота и нищета.

- Так я и поверила. Тараканова зарабатывала хорошие деньги, на себя почти не тратила, питалась скудно. Не думаю, что она занималась накопительством, у нее в крови была привычка вести спартанский образ

жизни. И что-то мне подсказывает, что ее сбережения хранились дома. Нам зарплату выдавали на руки, никаких банковских карт у нас нет. Кто хотел, тот открыл счет в банке...

- А княжна хранила денежки в чулке! Преступник искал чулок, но так и не нашел. Получается, зря он старушку кокнул.

- Ира, мне неприятно, что ты говоришь о покойной с таким пренебрежением.

- Надо же, как мы заговорили. То крыла ее по маме и по папе, а сейчас слезу пускает.

- Не пускаю я слезу, но мне ее жаль.

- Ладно, прости, больше не буду... Насчет сбережений ты ошиблась. У Таракановой был счет в банке. Банковскую карту она хранила не дома, а в сейфе на работе. У вас есть сейф?

- Есть, старая рухлядь. Ключи были у княжны.

- Ключи нашлись в ее столе.

- Я знаю. Но это единственное, что мне удалось ухватить взглядом, потом нас выставили из кабинета. Остались только Панченко и Волнова. И, конечно, Антошкин с сотоварищами.

- Банковская карта лежала в сейфе. Скажу тебе – княжна была богатеньким буратино.

- Кому эти деньги теперь достанутся? Завещание она написала?

- Завещание она написала в январе этого года, два месяца назад. Ты никогда не догадаешься, кто является наследником ее немалого состояния.

- Кто наследник, тот и убийца, - хмуро заметила Кузина.

- Чистосердечное признание смягчает наказание, - проникновенно промолвила Ирина.

- Ты сейчас о чем?

- О тебе! Тараканова все свои деньги оставила тебе! У нее не было никаких родственников, ни дальних, ни близких.

- Почему мне?
- Кто ж теперь об этом узнает.
- Панченко мне сегодня признался, что я ей нравилась. Пыталась из меня человека сделать, а я думала, что она меня поедом ест из ненависти.
- Ты и так человек, была и будешь. Не бедствовала, а теперь тем более.
- Не нужны мне ее деньги.
- О наследстве ты подумаешь после. Сейчас надо заняться поисками этого хитреца-убийцы, который подделался под тебя.
- Как это – подделался?
- Смерть Таракановой наступила от двадцати одного до двадцати двух часов, в этом промежутке...
- Панченко сказал, что они гуляли до половины девятого. То есть ее убили не сразу. Я сначала думала, что ее шандарахнули по голове, как только она вошла в квартиру. Она упала, убийца плотно закрыл дверь, чтобы тело сразу не обнаружили, а сам скрылся... Нет, сначала тщательно обследовал квартиру на предмет денег, а потом скрылся. Что-то должно было в доме пропасть! Допустим, для отвода глаз.
- Соседка, с которой она прительствовала, заявила, что ничего из квартиры не пропало. Говорю же – там и брать нечего. Ему ума не хватило что-то прихватить для отвода глаз. Или перепугался до безумия. Что говорит о его неопытности в преступных делах.
- А отпечатки пальцев? По отпечаткам можно найти преступника, если его «пальцы» есть в картотеке, я в кино видела... При условии, что у него уже была судимость. Или его задерживали по какой-нибудь глупости.
- Антошкин сказал, что ничего интересного они не нашли. Но Антошкину верит, себя не уважать.
- И все-таки, с какой целью он водил за нос Волнову? Неужели он ее подозревает?
- О себе не хочешь спросить?

- Кто на меня может подумать?
- Вспомни, как в закрученных детективах! Кто убийца? Тот, на кого меньше всего падает подозрение.
- Не я, - тут же нашлась Маруся без намека на восторг. - С кем чаще ругалась княжна? Со мной!
- Да, ты не можешь быть убийцей, – окинув Марусю оценивающим взглядом, согласилась Оплеухова.
- Кажется, я догадалась, кто попал у следователя под подозрение. Волнова! Потому он ей и навешал лапшу на уши – хотел проследить за ее реакцией. Реакция была нулевая, Волнова не запрыгала до потолка от радости, что ей достался такой глуповатый следователь. И не только следователь, вся следственная бригада звезд с неба не хватает.
- Она искусно спрятала свои чувства, но профессионал высшего класса без труда ее раскусил. Намекнул, что подозревает совсем другого человека, тем самым притупил бдительность злодейки. Осталось только ждать – рано или поздно она себя выдаст, потому что в преступных делах полный профан.
- Значит, это Волнова убила Тараканову. Не ожидала от нее.
- Кто ж его знает, кто убил Тараканову. Ведется следствие.
- Ира, но ты же сама только что...
- А я что? Я ничего, уж и порассуждать нельзя.
- И что мне с тобой сделать? Сейчас я тебя огрею тарелкой по башке, будешь тогда знать...
- А ты что, правда, на вязальщицу подумала? Странно, странно.
- Никто Волнову и не подозревал, - слукавила Маруся. – А то мы не знаем, что она обожает изображать из себя «доверенное лицо депутата» - показать, что ей доверяют, что знает больше других... Ира, ты уверена в профессионализме Антошкина? Или он так, шаляй-валяй?
- Он такие дела раскручивал, другому и не снилось.

- Откуда знаешь?

- Знаю, и всё.

- Что ты еще знаешь, болтливая скрытница?

- Болтливая скрытница, - повторила Оплеухова. – Занятно... Скрытница – это растение такое.

- Забудь.

- Что я еще знаю... Тело обнаружила соседка по лестничной клетке ближе к полуночи, она провожала гостью, засидевшуюся у нее допоздна. Женщины еще долго болтали на остановке, все не могли расстаться. В подъезде соседка увидела орущего кота. Позвонила в дверь. В общем, всё, как рассказывала Волнова. Здесь Антошкин не приврал. Теперь самое интересное. Еще одна соседка, с пятого этажа, развешивала на балконе постиранное белье. Она видела, как в районе девяти часов в подъезд вошла незнакомка в красной шляпе с широкими полями. Естественно, с высоты пятого этажа лицо под полями она не рассмотрела.

- Как она могла рассмотреть красную шляпу с полями в черноте ночи. В это время года на улице уже тьма-тьмущая.

- На краю навеса над входом в подъезд висит яркий светильник. И сам двор отлично освещен, через каждые три метра бетонные столбы освещения. Кроме шляпы женщина увидела серое драповое пальто прямого силуэта и высокие серые сапоги на каблучке.

Маруся сняла с головы фетровую шляпу красного цвета с широкими полями, вытащила руки из рукавов серого драпового пальто прямого силуэта, которое отвалилось на спинку стула, а полы пальто решили вытереть пол, но Марусю сей факт не озаботил. Она отодвинулась от стола, вызываясь перекинула ногу на ногу, показав модные серые сапожки на высоком каблучке.

- Схорониться тебе надо, Митяй, - скороговоркой проговорила подруга Ирина.

- Можно подумать, я одна такая в городе: в красной шляпке, сером пальтишке и сапогах на высоком каблукe.
- Не одна. Но как все здорово складывается. И наследство, и наследница, которая нанесла визит своей благодетельнице. После ее визита та благополучно скончалась.
- Ира, что-то я не пойму – ты меня подозреваешь в убийстве Таракановой?
- Не подозреваю, не ерпенься. За Антошкина говорить не буду, но дураком я его никогда не считала. Явную подставу он носом чует. С нюхом у него всё ок. Если след взял, то результат будет.
- Пусть у Жорика спросит, в это время я была дома, - проямлила Маруся, пряча глаза, будто бы ей было что скрывать.
- Показания Жорика не в счет, он твой муж, - коротко, но доходчиво высказалась Оплеухова.
- Недаром я загорелась найти убийцу, будто кто-то меня в спину толкнул. Как чувствовала, что кто-то меня подставит, - поохала подозреваемая.
- Теперь и подавно нам придется заниматься поисками настоящего убийцы. На Антошкина надейся, а сам не плошай. Не смотри на меня, как Ленин на буржуазию. Да, я ему доверяю на все сто. Но самоустраняться не стоит. Будем у Димки на подхвате. Ты же в этом конструкторском тазу варишься, все про всех знаешь.
- Ничего я не знаю, - заныла Кузина, с трудом сдерживая слезопад.
- Маруся, не вешай нос, мы справимся.
- Что я Жорику скажу?
- Как есть, так и скажи. Не забыла клятву у алтаря – и в горе, и в радости...

Георгий Кузин пересматривал отпечатанные на принтере листы формата А4, после чего складывал их в аккуратную стопку. Когда он занимался делом, то забывал о времени. Маруся позвонила и сказала, что задержится.

Хочет встретиться с подругой в кафе. Её право. Он только рад – никто не будет мешать.

Когда раздался звонок в дверь, Жорик для начала взглянул на часы. И удивился – время было позднее. Супруга давно должна вернуться. Сейчас он отчитает ее для проформы.

Не дойдя до входной двери, он громко сказал:

- Сама открыть не могла? Ключи потеряла, Маша-растеряша?

Это была не Маша. На пороге стоял молодой парень с хмурым лицом.

- Маруся дома? – сразу поинтересовался он.

- Вы, собственно, кто?

- Денис Бледнов. Мы вместе работаем.

- Наслышан. Маруси нет.

- А где она?

- Молодой человек, вам не кажется...

- Не кажется. Вашей супруги до сих пор нет дома, а вы совсем не волнуетесь?

- А вы почему волнуетесь?

- Потому что у нас в отделе творятся странные дела.

- Я слышал об убийстве Таракановой, мне Маруся на работу звонила.

- Мне показалось, что следователь подозревает Марусю. Он ею очень интересовался.

- Вы проходите, что ж на пороге стоять, - засуетился Жорик, ощутив несвойственное ему волнение. Я сейчас ей позвоню... Где же мой телефон...

- Может, она вам ответит. Я ей звонил много раз, но она не отвечает.

Кузин долго слушал длинные гудки, потом звонок прервался.

- Что происходит? – спросил он у ничего непонимающего Бледнова.

- Хотелось бы мне знать, - вздохнул он. – Может, она к родителям зашла?

- К родителям мы ходим по воскресеньям. Маруся встречалась в кафе с подругой, с Ирой Оплеуховой, вот я ей сейчас и позвоню. Наверное, заболтались девчонки, забыли о времени.

Ирина ответила сразу. И очень удивилась, что Маруси до сих пор нет дома.

- Жорик, ты шутишь?

- Мне не до шуток.

- Я довезла Машку до дома, она выскочила из автомобиля и вошла в подъезд. Это было... дай Бог памяти... В начале восьмого. А сейчас... половина десятого... Хорош муж! Жены дома до сих пор нет, а он и в ус не дует.

- Я бы до сих пор занимался своими делами и не волновался, - честно признался Кузин, - но пришел Марусин коллега по работе... Денис Бледнов.

- И он тебя взбаламутил. Гад такой, помешал ученому мужу корпеть над докторской диссертацией... А ты в курсе, что кто-то очень хочет, чтобы под подозрение в убийстве княжны попала Маруська?! Она у нас девушка ранимая, об этом знаем не только мы с тобой.

- На что ты намекаешь?

- На то, что она не будет бороться за справедливость, испугается и... сделает свой выбор.

- К...какой выбор?

- Ты дурака из себя не строй. Забыл, как во время студенчества она таблеток напилась, когда ей трояк по термеху вкатили на экзамене. Мы ей дружно желудок промывали, к врачам обращаться не стали, чтобы ее на учет к психиатру не поставили. Как после выкидыша она хотела спрыгнуть с крыши, благо тебе удалось ее отговорить. Что теперь? Осталось... петлю на шею затянуть или вены перерезать.

- Теперешняя Маша отличается от прежней, она стала более здравомыслящей, более спокойной.

- А если ей что-то сказали... такого, после чего в мозгу давно разорванная цепь замкнулась, и случилось замыкание? Выход быстро нашелся. Других-то выходов она не знает.

- Где ей могли что-то сказать? В подъезде? – Георгий внимательно посмотрел на Дениса, который прислушивался к разговору. Благодаря хорошему динамику он узнал кое-что новое о Марусе.

Денис поймал взгляд и отрицательно покачал головой, то ли подтвердил, что в подъезде Маруси нет, то ли снял с себя ответственность за новость, которая сыграла добивающую роль.

- Ты дурак или прикидываешься?! – взвилась Ирина. – Звони в полицию... Нет, не звони, я сама позвоню следователю, который ведет дело об убийстве Таракановой. По дороге позвоню. Я сию минуту выезжаю к тебе...

- Надо что-то делать, - пробубнил Денис, поглядывая на Кузина с неприязнью.

- Вы поднимались на лифте?

Бледнов утвердительно кивнул и предложил спуститься с шестого этажа по лестнице.

- Правильно, вы идите вниз, а я поднимусь на девятый. Выхода на крышу в нашем подъезде нет, так что выше девятого... она... никуда не денется, - без особой уверенности проблеял Кузин.

- А-а-а, - протянул начало непростого вопроса Денис, но догадливый Георгий живо прощептал:

- На лестничных проемах окошки высоко, просто так к ним не доберешься... - И загорелся желанием заручиться поддержкой, - Денис, вы же не думаете, что Маруся так расстроилась, что решила покончить жизнь самоубийством? Они с Таракановой не дружили, даже скажу больше...

- Об их непростых отношениях я знаю лучше вас. Смерть Таракановой не причина для самоубийства. Вы... Ладно, - махнул рукой Денис, - у меня есть к вам вопросы, но всё потом. Встречаемся на первом этаже...

Неизвестно, с какой скоростью неслась машина Оплеуховых, но уже через пятнадцать минут Ирина с мужем влетели в подъезд, где жили Кузины. В это время Георгий и Денис разговаривали с девушкой в спортивном костюме. Девушка теребила заплетенную косу и поглядывала то на одного мужчину, то на другого. Троица стояла на пороге одной из квартир первого этажа. Стало понятно, что девушка жила что-то видела.

Карп Оплеухов с трудом отдышался и спросил у Кузина:

- Новости есть?

- Это Настя. Она подъехала к дому на такси в тот момент, когда неизвестный мужчина что-то укладывал в припаркованный чуть в стороне автомобиль. Она почему-то решила, что это ковер. Когда узнала, что пропала Маруся, то предположила, что мужчина мог укладывать на заднее сиденье человека.

- Жаль, ни марку автомобиля, ни самого мужчину я не рассмотрела, - вступила Настя.

- Совсем ничего? – поинтересовалась Ирина. – Напрягите память, вдруг что-то вспомните. Высокий он был или низкого росточка.

- Я видела его согнутым, но... он мне показался высоким.

- У одной вашей коллеги, у Волновой, кажется, есть сын? – пристрасно спросила Ира у Дениса Бледнова.

- Причем здесь... - было начал Денис, но привычно махнул рукой и доложил, - и сын, и зять. Но я ни того, ни другого никогда в глаза не видел. А вы думаете, что Волнова все организовала? Но зачем ей это? – все-таки решился он, расхотев быть безынициативным трусишкой.

- Мне тоже хотелось бы узнать, зачем ей это?

- Ей ни к чему убивать Тараканову, - слышался голос следователя Антошкина. Его появление до сей поры осталось незамеченным. В руках он держал мобильник Кузиной.

- Ты где... его взял? – испуганно пробормотала Ирина.

- На земле лежал, неподалеку от входа в подъезд. Почему-то сразу подумал, что это телефон твоей подруги.

- А я не заметила... Дима, это же ничего не значит? Да, Дима? - заискивающе-слезливым голосом проговорила Оплеухова и кинулась ему на грудь, разбросав по сторонам других участников разговора.

- Надо где-нибудь приземлиться, - сказал Дмитрий, и Кузин пригласил всех, включая Настю, к себе домой...

- У Волновой был мотив убить Тараканову, - приоткрыл тайну следствия Антошкин. – Она скрывала от всех, что её дочь поместили в психиатрическую клинику. После очередной неудачи с рождением ребенка, она помутилась рассудком. А Инга Генриховна как-то об этом узнала.

- Вы что-то перепутали, - вмешался Денис, - дочь Волновой потеряла первого ребенка, потом родила двоих. И у сына двое детей.

- У сына да, двое, а у дочери детей нет. На этой почве она и помешалась. Волнова скрывала правду, чтобы ей не сочувствовали, не лезли с вопросами. Тема была для нее болезненной.

- Маруся рассказывала, что Нелли сумасшедшая мать и бабушка, - вспомнила Ирина, - постоянно что-то вяжет внукам. Но что странно, говорить говорит о детишках, но фотки никогда не показывает. Маруся эту странность не заметила, а я обратила ее внимание, но она никак не отреагировала. У всех свои тараканы.

- Теперь понятно, почему Волновы продали квартиру и переехали в новый микрорайон, - протянул Денис. – Чтобы никто не узнал. Княжна еще удивлялась, почему их занесло в Тмутаракань. Здесь и работа под боком, и вся инфраструктура, а там только новые дома стоят рядами, больше ничего. Она сказала, что решили сыну оставить старую квартиру. Взяли кредит в банке, у зятя были сбережения, и купили хорошую большую квартиру в новостройке.

- Зять Волновой сделал всем ручкой. Подал на развод, их развели без проблем, причина была уважительная – бездетность бывшей супруги. Развод стал последней каплей. Дочь Волновой оказалась в клинике.

- Значит, это Волнова убила Тараканову! Хотела закрыть ей рот, – выдала сообразительная Оплеухова, скорая на выводы.

Следователь пока воздержался от выводов, ограничился фактами.

- У меня иное мнение, это сделал Панченко, - вставил осмелевший Бледнов.
– Маруся с ним сегодня разговаривала об убийстве. Могла намекнуть, он перепугался...

- Быстро ему звони! – приказала Ира.

Мобильный телефон Владимира Ивановича был отключен. Антошкин по-прежнему не проявлял инициативы, сидел с отстраненным видом, будто был случайным гостем, которого совсем не интересует судьба пропавшей молодой женщины. Собравшийся народ взирал на него с откровенным непониманием, а Оплеухова еще и с презрением.

- Димка, чего ты развалился, как барин перед крепостными?! – взвилась она.
- Быстро узнай номер стационарного телефона в квартире Панченко.

Антошкин не стал спорить, выполнил требование старой знакомой, от которой в детстве пострадал. Но не стал звонить, перепоручил почему-то Денису, Ирка только фыркнула и показательно отвернулась.

Трубку взяла супруга, она сказала, что муж спит. Пришел с работы, поужинал, пожаловался на недомогание, выпил таблетку от давления, лег и задремал. Но если надо, может его разбудить. Денис отказался.

- Я ничего не понимаю! – закатила глаза Ирина, - кому могла помешать Машка?! Безобидное существо, безответный милый ребенок. Тараканову убили с одной целью – Машку подставить. Я тоже дура, рассказала ей сегодня, что около девяти вечера в день убийства в подъезд, где живет княжна, заходила женщина в сером пальто, в красной шляпе с большими полями, в сапогах на высоких каблуках.

- Молодец! – похвалил ее Дмитрий. – Впредь не поддамся на твои жалостливые речи.

- Но я сразу сказала, что ты ее не подозреваешь, что ты умный и обязательно найдешь настоящего убийцу, - протараторила болтушка.

- Как бы поздно не было, - процедил Антошкин еле слышно, взглянул на свои наручные часы, потом проверим свой мобильник, будто сверялся.

- Только не говори, что у тебя нет на примете подозреваемых! Кто тебе рассказал о стычках Маруси и княжны?

- Волнова. Поэтому я «признался» ей, каким способом расправились с Таракановой.

- Я так и думала, что хотел проследить за ее реакцией! Но Волнова никак не отреагировала, понесла новость дальше. И больше никто не поливал грязью Марусю?

- Никто, все встали за нее горой. Особенно этот молодой человек, - следователь кивнул на Дениса.

- Дима, ты не думаешь, что... Скажи, что не думаешь! Чего ты свой телефон в руках крутишь? Нервничаешь? Ты уже... что-то знаешь, а нам признаться боишься? – Ирина напоминала надутую игрушку, из которой выпустили воздух.

- Никаких новостей у меня пока нет, - с паузами высказался Дмитрий.

Ирку вновь накачали воздухом. Она снова заговорила, как пулемет.

- Пойдем от противного, Дениса исключаем сразу. Кто еще ее особенно защищал?

Смысл скороговорки следователь уловил не сразу. Выдержав паузу, ответил:

- Ее подруга, Евдокия Кабачкова.

- У Маруси одна подруга, это я! – с вызовом рявкнула Оплеухова.

- Ирочка, возьми себя в руки, - попросил Карп. – Нельзя же так. Криком делу не поможешь.

- Не мешай, - отмахнулась от него супруга. – Денис, что ты можешь рассказать о Кабачковой? Кроме того, что она строчит на машинке?

- Я случайно услышал, как она говорила Марусе о каком-то мужчине. Якобы они встречаются уже три месяца. Поэтому она читает в обеденный перерыв «Войну и мир», саморазвивается, хочет дотянуться до его уровня.

- Он писатель?

- Еще и стихи крапает. Так сама Дуся сказала. И еще призналась, что стихи ей не нравятся, только рассказы. Имени бойфренда она никогда не называла. Насколько я знаю, Маруся с этим мужчиной не знакома.

- Если не была знакома, в списке Маруськиных поклонников он никогда не значился. Кабачковой нет смысла избавляться от потенциальной конкурентки. А знакомить их она не собиралась, - сообразила Ирина.

- Почему же? – удивился Денис.

- Есть две версии: или он страшен, как моя жизнь, поэтому Дуся боялась услышать нелестный отзыв, или он любвеобильный красавчик, способный переменить на другой объект.

- А ничего, что Маруся замужем? – вставил Бледнов, пристально наблюдая за сиротливо сидевшим в сторонке Кузиным.

- Я же не сказала, что Марусю можно увести одним щелчком пальца... И щелчком тоже, - поспешила исправиться Оплеухова. – Она у нас однолюбка, один Жорик – свет в окне.

«Свет в окне» опять никак не отреагировал, а Бледнов насупился. Ирка набросилась на Антошкина.

– Дима! Почему ты бездействуешь?! Ладно, мы, профаны, не знаем, куда податься, но ты профессионал, тебе и карты в руки, а ты сверлишь нас своим неприятным взглядом, будто мы к тебе в дом ввалились без приглашения, а рот держишь на замке, чтобы не сказать, что ты о нас думаешь.

- Вот привязалась, - пробормотал без злобы Антошкин.

- Товарищ следователь...

- Ира, помолчи, - осадил товарищ следователь. Как-то весь вострепнулся, мгновенно превратился из ленивого барина в грозного сотрудника правоохранительных органов. Впился взглядом в Кузина и вкрадчиво поинтересовался, - Георгий Анатольевич, вы ничего не хотите нам сказать?

Щеки Кузина вспыхнули, как пионерский костер.

- Я тоже хотел спросить у Георгия Анатольевича, что его связывает с Евдокией Кабачковой? - влился в допрос Денис Бледнов.

- Вот даже как! - заранее вспылила Ирина. – Давай, выкладывай все, как на духу, а то я тебя по стенке размажу за Маруську.

- Неужели вы думаете, что Евдокия способна на убийство. Она тихая домашняя женщина.

- Откуда ты знаешь, что она тихая и домашняя? – окрысилась подруга.

- Я случайно увидел их вместе, - обратился Денис к главной обвинительнице. – Проезжал мимо в маршрутке, а они на тротуаре стояли и мило беседовали. Я подумал, что это и есть Дусин поэт-писатель, ради которого она совершенствуется. Мужа Маруси я никогда не видел. А сегодня, когда он открыл мне дверь, я решил, что Кабачкова пришла с ним в гости к Кузиным. Но быстро сообразил, кто передо мной. И засомневался...

- Засомневался, с ним ли стояла на тротуаре Кабачкова и мило беседовала? – угрожающе спросила Оплеухова, поражая взглядами-молниями Георгия Кузина с лицом цвета вареного рака.

- Я видел его мельком, мог и ошибиться. А когда следователь спросил...

- Не сочиняй, - бухнул кандидат технических наук.

- Не знала, что ты, Жорка, у нас писатель и поэт в одном лице. Может, поразишь нас своим творчеством? – поинтересовалась Ирина. Таким тоном спрашивают у бойкого дитяти, не он ли устроил погром в квартире.

- Это была Дусина инициатива назвать меня творческой личностью, чтобы Маруся ничего не заподозрила. Она знает, что я читаю только техническую литературу, стихов отродясь не писал.

- Антошкин, ты следователь или где?!

- Ира, ты меня за дурака не держи, - в очередной раз осадил ее Дмитрий. Надеюсь, мои люди уже беседуют с Кабачковой. – Он снова проверил наручные часы, потом снова – мобильный телефон.

Буквально сразу мобильник в его руках ожил.

Следователю доложили, что Кабачкова дома, причем не одна, с заказчицей. Заказчица ждет, когда швея подгонит платье. Ждет уже три часа. Соседка подтвердила, что Кабачкова вернулась домой в половине шестого. Она гуляла во дворе с детьми до семи часов, видела, как пришла с работы сначала Евдокия, затем ее постоянная заказчица.

Евдокия Кабачкова призналась, что уже несколько месяцев встречается с мужем Маруси Кузиной. Она знала, что Георгий Кузин преподает в техническом университете, сама Маруся рассказала. Взяла у нее номер телефона мужа, хотела переговорить насчет племянника, будущего абитуриента, чтобы Кузин с ним позанимался.

- Первый раз слышу, что Георгий Анатольевич занимается репетиторством, - поерничала Ирина.

- Я и не занимался. Вообще, не хотел встречаться, но она настояла. Я сразу дал понять, что у меня нет свободного времени, скоро защита...

- Но время на разврат нашел!

- Ира, остынь! Надо Марусю найти, потом заклемишь меня позором.

- О Марусе он вспомнил! Все из-за тебя! Кто мог ей рассказать о твоей связи с Кабачковой?

- Откуда я знаю? Мы не афишировали наши отношения, но кто угодно мог... Например, Денис. Сболтнул, а потом испугался и начал ей названивать, сюда примчался.

- Мы расстались с Марусей у проходной, она сказала – мне направо, тебе налево. Я и пошел. Больше я ее не видел.

- Но что-то произошло после того, как мы с ней расстались, - пробормотала Оплеухова. – Да, Маруся была расстроена, но она не выглядела, как человек, решившийся на отчаянный шаг.

- Может, Марусю увез племянник Кабачковой, - подала голос Настя. - У Кабачковой железное алиби – была дома вместе с заказчицей, а в это время ее племянник приехал в наш дом, дождался Марусю, что-то с ней сделал, она потеряла сознание, и он ее куда-то увез. Когда я зашла в подъезд, еще удивилась, почему свет не горит. Оказалось, никто не включил.

- Или выключил перед приходом Маруси, - догадалась Ирина. – Надо искать племянника.

- Настя сказала, что мужчина был высокого роста, а племянник Евдокии щуплый и низкорослый, ребенок совсем, ничего тяжелее собственного рюкзака не поднимал, - поспешно вмешался Кузин.

- Можно подумать, у него друзей нет! – подхватила Ира. – Хотя... Что-то мне подсказывает, что с племянником это дохлый номер. Не будет тетушка его под статью подставлять. Подставит, кого не жалеет. И кто ради нее готов на всё. Денис, кто ухаживал за Кабачковой на работе?

- Я за ней не следил. Пару раз видел, как она болтала с Емельяном Агеевым, он работает в испытательном центре, в шахматы хорошо играет.

- И как он на нее смотрел? - неожиданно заинтересовалась Оплеухова, переняв инициативу у следователя, походившего на человека с зубной болью.

- Не помню. Сегодня с Марусей его обсуждали, и она призналась, что Агеев ей неприятен. Кстати, он очень высокого роста. Каланча. У него постоянно румянец во всю щеку, - не к месту сообщил Бледнов.

Антошкин позвонил кому-то и попросил «пробить» Емельяна Агеева.

Через пять минут он знал его адрес и номер автомобиля. Оплеухова сорвалась с места, чтобы ехать к Агееву, но следователь вернул ее назад.

- Сиди и жди! Мои ребята проверят, дома ли он. А потом прошерстят окрестности на предмет заброшенных сараев, гаражей, завалюшек, где человек может уединиться для определенной цели.
- Димка, ты прав. Если Марусю увез Агеев, то увез недалеко. Ему нужно представить всё, как самоубийство, поэтому на другой конец города он ее не повезет.
- Я вспомнил, Агеев часто хвалился, что с...служил в десантуре, - с легким заиканием, произнес Бледнов.
- К чему ты это... вспомнил? – уточнила Ирина, подбоченясь.
- Его всякому в армии учили.
- Денис, тебе лучше помолчать, еще одно твое воспоминание, и увидишь мой холодный труп. Настя, ты хорошо знаешь эту местность, вспоминай.
- Я родилась в этом доме. В детстве все вокруг с друзьями облазила. Есть одно укромное местечко, семь минут хода. А на автомобиле вообще ничего, взлет-посадка, что называется. Пошли, покажу...

В семи минутах ходьбы от дома Кузиных в девяностые годы была разбита автостоянка. Спустя годы автостоянку закрыли, заменили хлипкий забор на основательный - решили возводить жилой дом. Для сторожа оставили небольшой вагончик, который до этого облюбовали для себя стояночные сторожа. Заменой забора дело и ограничилось, даже котлован не стали рыть. Со временем забор растащили хозяйственные люди, в вагончике собиралась молодежь. Жители ближайших домов крапали жалобы, но все без толку. Кто-то предложил сдать вагончик в металлолом, все согласились, но организатора не нашлось. Для порядка закрыли вагончик на замок, дабы отвадить молодежь. Постепенно жители начала перетаскивать в импровизированный сарай ненужный малогабаритный хлам, который может когда-то пригодиться. Ключ клали в условленное место, чтобы не бегать и не искать последнего посетителя сарая.

Антошкин не удивился, когда узнал, что Агеев живет в соседнем с сараем доме. Естественно, он был в курсе, где хранится ключ.

Агеев жил один, дома его не оказалось. О чем следователю сообщила фигура в темном, отделившаяся от стены. Но возле подъезда был припаркован автомобиль Агеева, который показался Насте знакомым.

- У него вмятина на переднем бампере, - неожиданно вспомнила она. – Встречная машина проехала мимо и на время осветила бампер, потому и успела заметить повреждение. Мужик в это время копался на заднем сидении, поэтому я ничего не могу о нем сказать, кроме высокого роста. Видела, что ему пришлось согнуться в три погибели.

- Оставайтесь здесь, - приказал всем, без исключения, Антошкин и двинулся к сараю. К нему присоединилась фигура в темном, причем не одна...

- Агеев как-то рассказывал, что у него мать долго болела, - шепотом доложил Денис. – Он сам ей уколы делал, говорил, что жизнь заставила всему научиться.

- Ты ж не в курсе, - встрепелась Оплеухова. - Таракановой сделали инъекцию какой-то гадости, ее сначала парализовало, потом она скончалась. Дениска, не трясись, с Марусей он такого не сделает, ему нужно, чтобы ее смерть выглядела, как самоубийство, тогда у них всё сложится.

- Спасибо, ты меня сильно успокоила.

- Ясно, что с Кабачковой они действуют заодно. Она специально дефилировала возле дома Таракановой в красной шляпе с широкими полями, чтобы ее заметили, а ее подручный, напротив, не привлекал к себе внимание. На что они рассчитывали? Неужели думали обвести вокруг пальца следственные органы? Не повезло им, нарвались на Антошкина. Мы подумать не успеваем, а у него уже ответ готов. Я его давно знаю, с самого рождения, - похвалилась Ира. – Карпуша, не дыши так громко, тебя за сто километров слышно. Зачем за нами потащился, мог бы в машине подождать.

- Может, мне вообще не дышать?

- А что, попробуй... Смотрите, какие-то черные человечки сарай окружили. Только бы у них получилось, только бы Машка осталась жива. Помогите им, Господи!..

Через неделю Марусю перевели из реанимации в палату интенсивной терапии.

Ей повезло, что Кабачкова решила сама поставить жирную точку – приехать в сарай и открыть тайну её связи с Георгием Кузиным. Вбалмошная жена покончила жизнь самоубийством, но супруг долго тужить не станет, найдет успокоение рядом с настоящей женщиной. Георгий достоин лучшей жизни. Пусть, пусть узнает напоследок. И тихо уйдет из жизни. По собственной воле. У них всё четко продумано, не подкопаешься. Спасибо Емельяну, без него бы она не справилась. Сделал всё правильно, доставил в гараж и уселся за свои шахматы. Только ради одной женщины он готов пойти на преступление...

Благодаря отсрочке Маруся была спасена, помощь подоспела вовремя.

Родители не отходили от постели дочери. Она быстро шла на поправку. Георгий один раз пришел в больницу, но Маруся наотрез отказалась его видеть.

- Я не виню Георгия, - призналась она. – Я не несчастная жертва, он не ужасный монстр. Я долго думала и поняла – с самого начала наши отношения потопали в неправильном направлении. Я изображала из себя капризную девчонку, он мне во всем потакал. Чем дальше, тем хуже. Надо было меня встряхнуть, вклеить затрещину, рывкнуть «Хватит!» А он с умилением говорил: «Здрассте, приехали», будто я в очередной раз его чем-то поразила. На самом деле, ему всё обрыдло. И я, и мои капризульки, топчущиеся на одном месте – дальше возмущений я не шла, боялась перемен. Но Георгию как-то надо было реагировать, чтобы я не устраивала истерику, вот он и нашел выход со своим «Здрассте...» Показывал примерный супруг, что он переживает, заботится. А маленькая женушка повозмущается, повозмущается и затихает. Все идет по-прежнему. Не сомневаюсь, мы любили друг друга. Но наша любовь была глупой, она остановилась в своем развитии на первом году жизни. Неправда, когда говорят - если любишь человека, принимай его таким, какой есть. Нужно постепенно меняться даже без мягких требований. По взгляду понимать, без

слов, что именно любимому человеку в тебе не нравится. Любовь должна быть умной, тогда у нее есть шанс на выживание.

- Наверное, это была любовь с первого взгляда, – предположила мать. – Вы были молоды, неопытны, и не смогли ее сохранить.

- Уж не знаю, с первого или со второго, но точно была любовь-вспышка, любовь-молния, которая быстро прошла, а мы жили по инерции, с отголоском любви, но принимали ее за большое чувство. Пытались что-то изображать, играть, вести себя, как на театральной сцене. Потому наши отношения были ненатуральными. И глупыми. Один шевелил другого капризами, а тот – удивлением.... Разве это не глупость?

- Но вы вместе прошли немало испытаний. Неужели они вас не сблизили?

- Ответ кроется в событиях последнего времени.

- Лучше поздно, чем никогда, - вздохнула Ирина. – Но все равно жаль...

- Жаль, что запоздала с взрослостью, - горько усмехнулась Маруся. – Давно надо было понять, что пришвартовалась не к той пристани, «рубить» канат и уходить в свободное плавание. Трудности закаляют.

- Под окнами твоей палаты постоянно околачивается «еще одна пристань»,
- развеселилась Оплеухова.

- Денис Бледнов, - догадалась Мария. - Один мудрый человек сказал, что он не моего поля ягода.

- Сама-то ты что думаешь?

- Постараюсь поскорее достигнуть своего настоящего возраста, наверстать упущенное, тогда смогу ответить на твой вопрос. Но одно знаю уже сейчас - я хочу быть счастливой!

Февраль 2016 г.